

Дэйл Вассерман

ПОЛЕТ НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ
(ONE FLEW OVER THE CUCKOO'S NEST)

Пьеса в 2-х действиях по одноименному
роману Кена Кизи
Перевод с английского Т. КУДРЯВЦЕВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАКМЭРФИ

ХАРДИНГ

ВОЖДЬ БРОМДЕН

БИЛЛ И

СКЭНЛОН

ЧЕЗВИК

МАРТИНИ

РАКЛИ

СЕСТРА РЭТЧЕД

СЕСТРА ФЛИНН

ДОКТОР СПИВИ

УОРРЕН

УИЛЬЯМС

ТЭРКЛ

ТЕХНИК

КЭНДИ

САНДРА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общая комната в одном из отделений психиатрической больницы на северо-западе Тихоокеанского побережья США. Помещение - просторное, квадратное, безликое и стерильное. Мебель из пластика. Украшения - минимальные, развешенные со строгим соблюдением пропорций. За широкими и высокими окнами первого этажа - зелень сада. Окна, обычно распахнутые, забраны внушительного вида стальными решетками, заперты на замок. Одна из дверей ведет в туалеты. Рядом - чулан, где стоит мусорное ведро и щетка. На одной из стен - доска для объявлений, полки для журналов и газет; кроме того, в комнате есть шкафчик, где хранятся игры, и маленький столик с книгой записей для пациентов. Запертая дверь ведет в коридор; другая дверь - не запертая - в палату. Помещение для медицинского персонала представляет собой стеклянную клетку с чуть приподнятым полом. В одной из стенок сделана скользящая стеклянная панель, через которую дежурная сестра имеет возможность наблюдать за всем, что творится в комнате. Панель эта, как правило, всегда закрыта. Сквозь стекло видны шкафчики с лекарствами, вмонтированные в стену. Сестры сидят за столиками лицом к общей комнате; на столике - телефон и микрофон, с другой стороны - магнитофон. Микрофон и магнитофон подключены к усилителям, установленным в стенах и на потолке общей комнаты. На стене за столиком для сестер вмонтирована панель с рычажками, кнопками, с помощью которых сестры, словно божества, могут регулировать свет, звук, телевизор и т.д. У основания комнаты для Дежурной сестры расположен продолговатый серый стальной ящик около метра длиной. В нем находятся трансформаторы, реле и электрические провода, питающие комнату. На вид это обычный ящик, на который положены подушки, чтобы можно было сидеть. В помещении есть телевизор на колесиках, повернутый экраном к стене, когда он не включен. Столики и стулья могут быть расставлены как угодно.

При поднятии занавеса на сцене темно. Луч прожектора выхватывает лишь ВОЖДЯ БРОМДЕНА. Это огромный мускулистый детина вниз двух метров ростом, который, однако, в присутствии других людей тотчас съеживается, стараясь казаться как можно меньше. Сейчас он прислушивается, склонив голову к плечу. Он слышит легкий неприятный шипящий свист. И на сцене появляются белесые световые пятна, которые то сливаются, то разливаются, образуя своеобразный рисунок.

ВОЖДЬ БРОМДЕН /голос, записанный на пленку/. Папа? Опять они туману напускают. Задумали что-то недоброе. Вот и напускают туману. /Делает несколько шагов, затем останавливается; слышен мягкий гул мощной машины и контрапунктом - писклявые взвизги электронной музыки. За стеклом, в темной дежурке, начинают пульсировать и плясать цветные огни./ Вот оно! Слышишь, папа? Черная машина работает. Они запустили ее глубоко под землей. Кладут туда человека, а оттуда выходит то, что они хотят. И знаешь, как они это делают, папа: каждый вечер наклоняют землю, и кто крепко не держится, катится в тартарары. Тогда они подбирают упавшего, подвешивают за ноги и вскрывают. Только у бедняги к тому времени уже внутренностей никаких нет - все перебито. А кровь превратилась в ржавчину. Думаешь, я брежу, потому как очень это страшно, чтоб на самом деле так было, да только, бог ты мой, сколько на свете есть всякого, хоть я не все случается!

/Звенит звонок. Все звуки я пляшущие огни исчезают, сцена внезапно ярко освещается, словно от вспышки взрыва. Насвистывая, по коридору приближаются САНИТАРЫ. ВОЖДЬ БРОМДЕН застывает, скрючившись, как кататоник. Слышен звук поворачиваемого ключа, и входят САНИТАРЫ УОРРЕН и УИЛЬЯМС - бесшумно, в туфлях на резиновом ходу. На них накрахмаленные белоснежные халаты; двигаются они либо друг за другом, либо рядом, как два великолепных грациозных тигра./

УОРРЕН. Смотри-ка, а Вождь уже тут.

УИЛЬЯМС. Су-упервождь.

УОРРЕН. Глухонемая старая калоша.

УИЛЬЯМС. Никак жратвы не дождется.

УОРРЕН /подходя к Вождю/. Ты что, до сих пор никак не научишься? Ты что, не знаешь, что надо сидеть в палате, пока не прозвенит вот этот звоночек?

ВОЖДЬ БРОМДЕН скользящим шагом отходит в сторону.

Ха, ты только посмотри, как он съежился. Этакая детина вымахала - яблоки может прямо с ветки есть, а боится всего, как маленький.

УИЛЬЯМС. Ну, чего тебе надо, крошка? По своей метелочке соскучился?

/Направляется в чулан./ Точно. Подавай ему метлу.

УОРРЕН. Древний вождь Метла! Правильно, детка, молодец, хороший псих.

УИЛЬЯМС /сует метлу в руки Вождя/. А ну, давай подметай, детка.

УОРРЕН. Старина БРОМДЕН-метла...

УИЛЬЯМС. Древний Вождь Метелка.

Оба раздражаются хохотом. Незаметно для них входит СЕСТРА РЭТЧЕД. Это красивая женщина лет сорока - точный возраст трудно определить. Красота ее в своем роде совершенна: лицо - гладкое, словно из эмали телесного цвета; белизну кожи подчеркивают голубые, как у куклы, глаза. Сияющая теплая улыбка часто оживляет лицо. Она хорошо сложена и достаточно аппетитна, что заметно даже под белоснежным накрахмаленным халатом. Она надвигается на санитаров бесшумно, словно на колесах.

РЭТЧЕД. Извините, мальчики!

Оба санитаров вздрагивают от неожиданности.

Едва ли разумно стоять так, сложа руки. Ведь в понедельник утром дел, как вы знаете, полно.

УОРРЕН и УИЛЬЯМС. Точно, мисс Рэтчед.

РЭТЧЕД. Вот и прекрасно, мальчики. Уоррен, вы бы для начала побрили бедного мистера Бромдена. А вам, Уильямс, не мешало бы заглянуть в палаты. Верно?

УИЛЬЯМС. Точно, мисс Рэтчед.

РЭТЧЕД. Вот и прекрасно.

УИЛЬЯМС исчезает за дверью, ведущую в палаты, УОРРЕН отбирает у Вождя метлу и подталкивает его к туалетам.

ФЛИНН /поспешно входит. Она - бесцветная молодая женщина с испуганным взглядом; на груди у нее золотой крестик. Говорит, задыхаясь/. Доброе утро, мисс Рэтчед.

СЕСТРА РЭТЧЕД смотрит на свои часики.

Извините, я опоздала. Я вчера ходила на полуночную мессу, и вот - проспала...

РЭТЧЕД /с улыбкой отпирает дверь в дежурку/. Ничего, не огорчайтесь. Приступайте лучше к делу, хорошо?

СЕСТРА ФЛИНН ныряет в дежурку и начинает быстро рассыпать таблетки по бумажным пакетикам. СЕСТРА РЭТЧЕД включает несколько рычажков и берет микрофон. Ее голос, усиленный громкоговорителями, оглушительно разносится по общей комнате и по палатам.

Прием лекарств. Все пациенты - в общую комнату. Прием лекарств, /Выключает микрофон, выходит из дежурки. Первому пациенту весело./ С добрым утром, мистер Хардинг.

ХАРДИНГ /на секунду приостанавливаясь/. Вы уверены, что оно доброе?

/Направляется к сестре Флинн. Ему под сорок; красивый, стройный, очень худой. То и дело закатывает глаза./

Господи, благодарим тебя за спокойствие, которое сейчас снизойдет на нас.

/Отправляет в рот все таблетки из бумажного пакетика и запивает водой. Пересекает сцену и, подойдя к шкафчику, достает оттуда карты для преферанса./

РЭТЧЕД */ласково - следующему пациенту/*. Билли, милый. */Дружески берет его под руку./* Вчера вечером я говорила с твоей мамой.

БИЛЛИ *настороженно останавливается. Ему около тридцати, но выглядит он совсем мальчишкой.*

Ну, в общем, мне все пришлось ей рассказать.

БИЛЛИ. А ч-что вы ей с-сказали.

РЭТЧЕД */вздергивает рукав его рубашки, обнажая забинтованное запястье/*. Что ты очень сожалеешь о случившемся и обещал никогда больше этого не повторять.

БИЛЛИ. Спасибо, м-мисс Рэтчед.

РЭТЧЕД */протягивает ему стакан с водой/*. Выпей, до конца, милый. */Обращаясь к вновь вошедшему пациенту./* Доброе утро, мистер Скэнлон. А-а, мистер Чезвик.

СКЭНЛОН - *мужчина лет за пятьдесят, почти совсем лысый - проходит через сцену к свободному столику, не отвечая на ее приветствие. Ставит на столик принесенную с собой коробку, придвигает стул и принимается что-то мастерить в коробке. ЧАРЛЬЗ ЧЕЗВИК* - *маленький, крепко сбитый, коротко остриженный, ведет себя то грубо и агрессивно, то раболепно.*

ЧЕЗВИК */изучая пилюли, которые подает ему Сестра Флинн/*. Постой чуток, детка. Это еще что такое?

ФЛИНН. Лекарства.

ЧЕЗВИК. Вот сказанула - это и я сам вижу. Какие лекарства-то?

ФЛИНН */кокетливо/*. А вы их проглотите, мистер Чезвик, и все. Ну, ради меня!

ЧЕЗВИК. Ты мне зубы-то не заговаривай, я ведь только хочу знать, черт бы вас всех!..

РЭТЧЕД */кладя руку ему на плечо/*. Все в порядке, Чарльз. Можете не волноваться.

ЧЕЗВИК. Что значит - можете не волноваться?!

РЭТЧЕД. А то, что можете их не принимать,

ЧЕЗВИК */сбитый с толку/*. Могу? Ну-у... Тогда, значит, о'кей! */Берет пилюли стакан воды, проглатывает их и запивает./*

Входит МАРТИНИ, низкорослый итальянец, веселый, живой, приплясывая и сверкая глазами; исчезает в туалете и почти тотчас вновь появляется./

РЭТЧЕД. Доброе утро, мистер Мартини.

МАРТИНИ */не обращая ни к кому/*. Привет! */Подходит к Сестре Флинн и проглатывает пилюли. Затем, как и Чезвик, присоединяется к Хардингу я Билли, уже сидящим за карточным столом./*

Входит РАКЛИ, подталкиваемый УИЛЬЯМСОМ, и, волоча ноги, идет по сцене.

Сознание покинуло это могучее тело, и лицо Ракли ничего не выражает, глаза пустые, голова наголо обрита.

РЭТЧЕД */приветливо/*. Мистер Ракли...

РАКЛИ */приостанавливается, губы его долго шевелятся, прежде чем он с трудом выдавливает из себя/*. К-к-к ч-черту в-всех! */Пятится к стене, словно притянутый резиновым ремнем, и, раскинув руки, застывает, как распятый./*

РЭТЧЕД */заглянув в блокнот и оторвав листок/*. Уильямс, у нас сегодня новенький. Я прошу вас встретить его в приемной.

УИЛЬЯМС */беря у нее листок/*. Слушаюсь, мисс Рэтчед.

РЭТЧЕД. Мисс Флинн, я пошла в комнату для персонала. */К пациентам./* Ведите себя пристойно, мальчики. */Выходит./*

ЧЕЗВИК */передразнивая/*. "Ведите себя пристойно, мальчики", А мы можем иначе?

Дверь из туалета распахивается, и оттуда выскакивают ВОЖДЬ БРОМДЕН, спасаясь от Уоррена, который преследует его, размахивая электрической бритвой с длинным болтающимся шнуром.

УОРРЕН. А ну, вернись, чертов краснокожий! Не нравится тебе, да?

Поднимает руку и сует под самый нос Вождю жужжащую бритву; ВОЖДЬ делает шаг назад, падает в качалку и застывает, съежившись от страха.

М-м... а мне не нравится, как ты на меня глядишь.

Вытаскивает из кармана резиновый жгут, ловко обматывает им грудь Вождя и сцепляет концы жгута за спинкой качалки.

Точненько. Так-то оно будет лучше.

СЕСТРА ФЛИНН проходит через сцену с подносиком, на котором лежат медикаменты, подходит к Скэнлону и ставит подносик на столик рядом с ним.

СКЭНЛОН */возмущенно отодвигая подносик подальше от своей коробки/*. Эй, вы, поосторожнее!

ФЛИНН. Да я же ничего не сделала, ничего!

УОРРЕН */осклабься/*. Помочь тебе, лапочка?

ФЛИНН */сухо/*. Нет, благодарю вас. Мне помощи не требуется.

УОРРЕН, хихикая, уходит. СЕСТРА ФЛИНН забирает свой подносик и быстро исчезает.

ХАРДИНГ. Вам сдавать, Мартини.

МАРТИНИ, Чего? Ах да, поехали, значит! */Энергично принимается сдавать, сбрасывая карты также слева от себя несуществующему игроку./*

ЧЕЗВИК. Эй, прекрати!

МАРТИНИ. В чем дело?

ЧЕЗВИК. Там же никого нет.

МАРТИНИ */взглянув налево/*. А я его вижу.

ЧЕЗВИК. Да ведь нас только четверо.

МАРТИНИ */с сомнением/*. Да-а? */Сгребает карты и начинает снова их сдавать, на этот раз сбрасывая лишние карты справа от себя./*

ХАРДИНГ. Мартини, перестанете вы галлюцинировать или нет? О господи, давайте сюда карты! */Вырывает у него карты и принимается сам сдавать./*

ЧЕЗВИК */Внезапно захихикав/*. Хи-хи-хи!

БИЛЛИ, Ч-что т-тут смешного?

ЧЕЗВИК, Да эта пичужка сестричка. Я вспомнил, как впервой увидел голую девчонку. Мне, понимаешь, восемь лет тогда было, я сидел на дереве и заглядывал в окошко ее спальни. А она раздевалась. И вот как дошла до трусов, я... я... /Пока он тянет, БИЛЛИ встает и направляется к книге записей. /

ХАРДИНГ /не поворачивая головы/. Правильно, Билли, запиши это.

БИЛЛИ. Ну, т-так мы ж-же обязаны.

ЧЕЗВИК. Точно, Тебе за это золотую медаль дадут.

БИЛЛИ. вы ж-е пиш-шете все, ч-что я говорю.

ЧЕЗВИК. Угу, я еще напишу, что ты делаешь!

ХАРДИНГ. Да прекратите вы оба.

РАМИ /встрепенувшись/. К ч-черту вс-сех!

ХАРДИНГ. О, господи боже мой, настоящий сумасшедший дом! /Поднимаясь из-за столика./ Дорогие коллеги-психи. Я, президент Совета пациентов, Дэйл Хардинг, объявляю молчание на десять секунд - десять секунд благодатной терапевтической тишины.

Сжимает руки и склоняет голову. Тишину тотчас разрывает звонкий нахальный голос, и дверь в помещение распахивается.

МАКМЭРФИ /еще за сценой/ ... Ошибаешься, приятель: вовсе я не должен делать то, и вовсе я не должен делать это. И вообще, катись ты от меня подальше, а не то я сейчас...

Появляется спиной к зрителям в боевой позе; за ним следует УИЛЬЯМС раскрасневшийся, злой, раздосадованный.

Внезапно МАКМЭРФИ осознает, где он находится, и замечает уставившихся на него больных.

Здрастье, братцы! Отличный осенний денек!

Присмотримся к Макмэрфи. Лохматый, с длинными баками. Жесткое лицо - потрепанное, со шрамами на носу и на скулах. На нем. темное кепи, старая коричневой кожи куртка, выцветшие белесые джинсы. На ногах - грубые сапоги со стальным ободком у каблука. Ведет себя открыто, раскованно, что особенно бросается в глаза в этом окружении. Засунув большие пальцы за пояс, он распрямляется и хохочет. Смех его льется свободно, громко - больные смотрят на него, раскрыв рот.

Черт побери, что это у вас у всех такой похоронный вид!

УИЛЬЯМС. Послушайте, мистер...

МАКМЭРФИ. А ты, парень, отойди от меня, дай же мне наконец осмотреться в моем новом жилье, слышишь? Какого черта, я же до сих пор еще ни разу не был в Институте психологии! /Шагнув к больным, в то время как Уильямс направляется в дежурку./ Меня зовут Макмэрфи, братцы, и я помешан на картах. /Покосившись на игроков./ Во что это вы тут играете? В преферанс? Ребята, да у вас что же, и карт хороших нет? Ну,ничего, сейчас мы это дело поправим. Я на всякий случай прихватил тут свои. /Достает карты и раздает игрокам./ Что ни карта - картиночка, и неплохая, а?

У больных вылезают на лоб глаза, когда они видят карты.

Неплохие девочки, а, ребятки, и все - разные. Только без хамства - не смейте мне их мусолить: Мы еще поиграем в них, да как.

УИЛЬЯМС, широко размахивая руками, в чем-то пытается убедить Сестру Флинн; та берет телефонную трубку, но ее просьба прислать кого-нибудь ничего не дает: никто не приходит. МАКМЭРФИ собирает свои карты.

МАКМЭРФИ. Так вот, ребята, я к вам прибыл с фермы произошла у нас там парочка конфликтов, и суд решил, что я - псих. И, думаете, я буду спорить с судом? */Подмигивает./* Ставьте хоть на орел, хоть на решку - не буду, Только бы уйти с этих чертовых гороховых полей, а там пусть считают меня, чем их душенька захочет - хоть психом, хоть бешеным псом, хоть оборотнем, - мне все равно, только б в жизни больше не видеть ни одного кустика гороха...

УИЛЬЯМС подкрадывается сзади, намереваясь набросить на него резиновый жгут и скрутить. МАКМЭРФИ хватает стул и не дает ему подойти, удерживая на расстоянии, как укротитель льва/

Отстанешь ты от меня или нет?

УИЛЬЯМС. Вот что, мистер. У нас есть правила. Я должен смерить вам температуру и отвести вас в душ.

МАКМЭРФИ. Все, что ты должен сделать, это оставить меня в покое, чтоб я мог познакомиться с ребятами, и если ты еще посмеешь мне надоедать!

УИЛЬЯМС */мрачно/*. Ладно, малый, сам напрашиваешься, так что пеняй на себя. */Поворачивается и торжественно выходит из помещения./*

МАКМЭРФИ */расхохотавшись своим раскатистым, громовым смехом./* Так-то оно лучше будет, теперь мы хоть сможем спокойно, поговорить. О'кей, так кто же из вас, психов, будет главный бык?

Больные молча смотрят на него.

Я спрашиваю, кто тут у вас .главный, или вожак?

БИЛЛИ. Ну, в-во всяком, случае н-не я, м-мистер. Я н-не в-вожак, х-хотя, м-можно сказать, с-следующий на очереди.

МАКМЭРФИ */протягивая Билли свою лапицу/*. Ну, братец, очень рад, что ты - на оч-череди, но поскольку я решил прибрать эту шарашку к рукам, может, то меня все-таки отведешь к вашему лидеру.

БИЛЛИ. Мистер Х-хардинг... в-вы ведь у нас п-президент Совета п-пациентов...

ХАРДИНГ */откинувшись на спинку стула и устремив взгляд к потолку/*. А сей... джентльмен... договаривался о встрече с нами?

БИЛЛИ. Вам назначено время, м-мистер М-Макмэрфи? М-мистер Х-Хардинг ведь очень занятой ч-человек.

МАШЭРФИ. Значит, этот занятой человек, мистер Хардинг, он и есть главной бок-вожак?

БИЛЛИ. П-правильно.

МАКМЭРФИ. Так скажи этому вожаку Хардингу, что Пэ Макмэрфи ждет встречи с ним и что в этой психушке нам вдвоем будет с ним тесновато. Передай ему, что-либо он встретится со мной как мужчина с женщиной, либо, значит, он мелкота на побегушках, а тогда до захода солнца пусть мотает отсюда.

ХАРДИНГ. Билли, скажи этому выскочке Макмэрфи, что я в полдень встречаюсь с ним в главном зале, и что мы раз навсегда решим это дело насчет честолюбия и всяких притязаний.

МАКМЭРФИ. Билли, скажи ему, что Пэ Макмэрфи привык верховодить всегда и везде, и теперь, раз уж суждено ему быть психом, он будет самым большим, самым главным - всех под себя подожмет!

ХАРДИНГ встает и пытается обойти Макмэрфи, но тот, стремительно шагнув в сторону, преграждает ему дорогу. Макмэрфи протягивает руку, и ХАРДИНГ, признавая себя побежденным, пожимает ее.

Так оно будет лучше - без кровопролития-то! Ну, а кто остальные ребята?

ХАРДИНГ. В этой половине комнаты - острые случаи.

МАКМЭРФИ. Что же в вас такого острого?

ХАРДИНГ. Это просто значит, что в принципе мы излечимы. А вон там - хроника. */Показывает пальцем./* Канатоходец. Морковка.

МАКМЭРФИ. И этих уже нельзя вылечить?. Ах ты, черт подери. */Протягивает руку Мартини./* Привет, малый, - Пэ Макмэрфи; как живем?

МАРТИНИ *делает вид, что не замечает его.*

/Чезвику./ Рэнди Пэ Макмэрфи...

ЧЕЗВИК */не замечая его руки/*. Есть сигарета?..

МАКМЭРФИ. Только такие. Берешь? */Протягивает ему пачку; обменивается рукопожатием с Билли./* Рэндл-Пэтрик Макмэрфи... */Подходит к Скэнлону, хлопает его по плечу./* Как делишки, приятель?

СКЭНЛОН */поспешно закрывая коробку крышкой/*. Тише ты!

СКЭНЛОН */мрачно/*. Бомба: хочу весь этот чертов шарик взорвать.

МАКМЭРФИ. Не один ты такой - у тебя есть конкуренты. */Вразвалку подходит к Ракли - и останавливается, с укором глядя на него/*. Эй, приятель, меня зовут Рэ Пэ Макмэрфи, и очень мне не нравится, когда взрослый мужчина так неаккуратно себя ведет. Пошел бы куда-нибудь да вытерся, что ли!

ХАРДИНГ. Вытащите из него гвоздик.

МАКМЭРФИ. Чего-чего?.. А-а, конечно! */Делает вид, будто выдергивает из рук Ракли гвозди./*

РАКЛИ. К ч-черту в-всех! */Волоча ноги, медленно направляется к палатам./*

МАКМЭРФИ */останавливается в своем обходе и застывает перед Вождем, привязанным резиновыми ремнями к качалке/*. Ого! А это еще что такое?

ЧЕЗВИК. Это - вождь Бромден.

БИЛЛИ. Он в-вас не слышит, Он - г-глух-хонемой.

МАКМЭРФИ. А за что же его так связали? Мне ото не нравится, нет, сэр, никак не нравится. */Развязывает вождя./* Это унижает человека.

ВОЖДЬ *встает из качалки. МАКМЭРФИ присвистывает.*

Эге, какой же ты, однако, вымахал. */Обходит вокруг Вождя, с интересом его оглядывая./* Какого же он племени?

БИЛЛИ. Н-не знаю. Он уже б-был тут, когда я поступил.

ХАРДИНГ. Доктор считает, что он из индейцев с реки Колумбия... ну, из тех, что жили у водопадов! Но, но, по-моему, это племя давно уже вымерло.

МАКМЭРФИ. Верно, вождь? Ты из вымерших?

БИЛЛИ. Он ж-же н-ничего не-е слышит.

Входит СЕСТРА РЭТЧЕД, следом за ней - УИЛЬЯМС. Из дежурки выходит УОРРЕН и присоединяется к ним.

РЭТЧЕД */протягивая руку/*. Мистер Макмэрфи!

МАКМЭРФИ */пожимая ее руку/*. Здравсьте, мэм!

РЭТЧЕД. Разрешите. */Отбирает у него резиновый ремень и передает Уоррену./* Санитар Уильямс сообщил мне, что вы не слушаетесь.

МАКМЭРФИ */с огорченным видом/*. Я?!

РЭТЧЕД. Вы, кажется, отказались принять душ, а ведь он обязателен для вновь поступающих!

МАКМЭРФИ. Ах, вот вы про что, мэм. Так ведь мне душ устраивали и в суде, и в тюрьме вчера вечером, и, ей-богу, всю дорогу промывали б мне уши, если б была такая возможность. */Разражается хохотом./*

РЭТЧЕД. Забавно, мистер Макмэрфи, забавно. Но вы должны понять, что у нас есть правила, которые составлены таким образом, чтобы способствовать вашему лечению. И вы должны всемерно нам помогать.

МАКМЭРФИ. Мэм, я готов вам помогать хоть круглые сутки. Но не хотите же вы, чтобы я был невежлив! Мне все-таки надо было сначала познакомиться с ребятами, верно?

РЭТЧЕД /продолжая улыбаться/. Поймите меня, пожалуйста, правильно: я вовсе не возражаю против того, что вы решили сами... определиться среди наших пациентов! Но всему свое время. Вы обязаны придерживаться правил.

МАКМЭРФИ /приблизив лицо к самому лицу сестры Рэтчед я широко улыбаясь/. Знаете что, мэм, всегда находится человек, который говорит мне насчет правил, когда я как раз думаю о том, как бы все их, к черту, взорвать.

/Свет быстро гаснет; прожектора высвечивают лишь Вождя БРОМДЕНА. Сцена не погружается в полную темноту благодаря игре светотени - движущиеся лучи прожекторов скрещиваются и перекрещиваются в сложном рисунке, на фоне которого фигуры людей медленно, как во сне, движутся по сцене, пока говорит ВОЖДЬ ВЕТЛА, и постепенно занимают те позиции, в которых мы их увидим, когда вспыхивает свет. СЕСТРА РЭТЧЕД и УИЛЬЯМС заходят в дежурку; УОРРЕН уходит. СКЭНЛОН придвигает стул к карточному столику, МАКМЭРФИ садится верхом на стул.

ВОЖДЬ БРОМДЕН /голос, записанный на магнитофонной ленте/. Новенький пришел к нам, папа. Сейчас они начнут его опутывать. У них ведь к каждому проводу протянуты, а в голову каждому вместо мозгов вставлен прибор.

В полу тут магниты заложены, так что и ходим мы, только как они хотят.

Мозги у нас стали каменные и нутро железное, а вместо нервов - медная проволока.

В животе у нас шестеренки, а на лице вместо рта - сварочный шов.

Они включают рычажок, и мы задержаемся; включают другой - и замрем.

Сколько таких человеческих фабрик по всей стране разбросано - и не счесть.

Надо же исправлять человеческую природу.

Это настоящая шайка, папа. Большущая - пребольшущая.

/Прислушивается./ Да-да, тут есть и эта штуковина тоже. Большая машина. Они меня всего на ней переиначили. Как раньше переиначили тебя!

Полный свет. На сцене - общая комната. Одновременно включается музыка - низкопробная модная белиберда в стиле Лоуренса Уелки гремит из усилителей. В дежурке СЕСТРА РЭТЧЕД, сменившая сестру Флинн, делает записи в историях болезни. За карточным столиком МАКМЭРФИ играет в очко с ХАРДИНГОМ, ЧЕЗВИКОМ, БИЛЛИ, СКЭНЛОНОМ и МАРТИНИ. МАКМЭРФИ так низко надвинул на глаза кепи, что вынужден откидываться назад, чтобы видеть карты. В зубах у него зажата сигарета, и он говорит, не выпуская ее изо рта. Речь его, красочная и пересыпанная жаргоном, резко отличается от остальных

МАКМЭРФИ. Эй вы, сосунки, а ну, пошевеливайтесь - бьешь или пропускаешь? Бьешь, значит? Так-так-так, мальчик, хочешь, значит, пойти королем, подумай только. Значит, придет к тебе, парнишка, эта прелестная малышка, - и треснут штаны, Худо дело. Иду на вас, мистер Скэнлон. И когда же наконец какой-то идиот в этой их медицинской оранжерейке, который включил этот чертов грохот, догадается выключить его! /Встает и направляется к дежурке./ Тьфу, в жизни не слышал такого грохота - рехнуться можно! /Стучит в окошечко./

РЭТЧЕД /отодвигая стеклянную панель/. В чем дело?

МАКМЭРФИ, Вы не возражали бы выключить этот чертов грохот?

РЭТЧЕД. Да, мистер Макмэрфи.

МАКМЭРФИ. Что - да?

РЭТЧЕД. Да, я возражаю. Считается, что музыка имеет терапевтический эффект.

МАКМЭРФИ. Какой, к черту, может быть терапевтический эффект от Лоуренса Уелка?

РЭТЧЕД. Пожалуйста, не упирайтесь в стекло - на нем останутся отпечатки

пальцев.

МАКМЭРФИ */поворачиваясь к ней спиной и намереваясь вернуться на свое место/*. Конское дерь-мо.

РЭТЧЕД. Да, кстати, мистер Макмэрфи, мне следовало сказать вам, что азартные игры у нас запрещены,

МАКМЭРФИ. А мы играем на сигареты.

РЭТЧЕД */с улыбкой/*. Вы уверены, что на сигареты, а не на что-то другое?

МАКМЭРФИ. Угу, один дым - и все. */Хохочет и тут же осекается, заметив, что остальные не смеются, Возвращается к столику, тогда как Сестра Рэтчед задвигает стекло. К больным,/* Знаете, милые девочки, вам бы не мешало немножко посмеяться. */Доверительным тоном./* Слышь-ка, правильную вещь она мне сказала. Кашу маслом не испортишь - почему бы нам не сдобрить игру?

БИЛЛИ. А откуда ж-же м-мы возьмем деньги?

МАКМЭРФИ */поворачивается спиной к дежурке и потирает большой палец об указательный/*. Насчет этого - вы бросьте. Я ведь, прежде чем попасть сюда, кое-что про это место разузнал. Почти половина из вас, ребята, получают пособия - три-четыре сотняги в месяц, а не берете вы со счета ничего, так что денежки эти лежат у вас и пылью обрастают. Поэтому достаточно каждому подписать долговую бумажку - и дело с концом.

ХАРДИНГ. Я - готов.

МАКМЭРФИ, Решаем, значит, так: сигарета - десять центов, идет?

ЧЕЗВИК, О'кей,

СКЭНЛОН. Поехали!

МАКМЭРФИ. Ну, так начали!

РЭТЧЕД */через усилитель/*. Не забудьте, мистер Макмэрфи, на деньги не играть.

МАКМЭРФИ */уставясь на усилители/*. Эти, что же, передают туда и сюда?

ХАРДИНГ. Нет, но мисс Рэтчед не нужна аппаратура: она сама - ходячий приемник.

МАКМЭРФИ, Да? Что ж, придется выключить ее из сети. */Сдает карты./* Отлично, профессор, я вижу, у вас на руках двойка, а у локтя - пачка "Марлборо", которая показывает, что вы человек платежеспособный.

/Раздается звонок./

А это еще что за черт?

РЭТЧЕД */через усилители/*. Собеседование! Все на групповое собеседование.

Больные поспешно встают, выдергивают столик из-под локтя Макмэрфи и складывают его; стулья расставляют полукругом.

МАКМЭРФИ. Да что происходит-то?

ЧЕЗВИК. Групповая терапия. Каждый день - в это время.

МАКМЭРФИ с озадаченным видом слоняется по комнате. Больные расслаживаются, СЕСТРА РЭТЧЕД в дежурке щелкает двумя рычажками, словно ставит дежурку в автоматический режим. Берет свою плетеную корзиночку, подходит к книге записей для пациентов, забирает ее к садится слева от кресла председателя, которое остается свободным.

РЭТЧЕД. Мистер Макмэрфи, а вы не присоединитесь к нам?

МАКМЭРФИ берет свободный стул.

Ну так, уселись, Кто хочет начать? */В упор смотрит на Билли, так что тот начинает ёрзать./*

БИЛЛИ */дотрагиваясь до повязки на запястье/*. Я, в-вид-но, должен рас-сказать об этом.

/СЕСТРА РЭТЧЕД молчит./

Это в-все из-за м-мамы. П-после встречи с ней м-мне всегда так х-худо, п-просто уж-жас.

РЭТЧЕД. Твоя мама любит тебя, Билли.

СКЭНЛОН */передразнивая/*. Билли-душенька, Билли-крошка.

БИЛЛИ */не обращая внимания на Скэнлона/*, Я з-знаю, в этом в-вся беда. Я т-так ог-горчаю ее, но она мне этого не г-говорит. Не х-хочет она в-видеть, какой я на самом деле! Я г-говорю ей: "М-мама, у м-меня не в-все с г-голо-вой в порядке. Я же г-говорить толком не м-могу". А она в-все свое. Я послушаю ее, и м-мне жить не х-хочется. Вот я и р-ре-шил по-покончить с собой.

РЭТЧЕД» А ты не подумал о том, что казнил этим не себя, ты ее казнил!

БИЛЛИ, Кон-нечно, подумал! */В отчаянии/* М-мисс Рэтчед, а н-нельзя сегодня пог-говорить о ком-нибудь друг-гом?

РЭТЧЕД. Нет, Билли. Надо иметь мужество смотреть фактам в лицо.

*БИЛЛИ отворачивается;
МАКМЭРФИ с изумлением наблюдает за происходящим.*

/По истечении какого-то времени./ Ну, хорошо. */Открывает книгу записей./* В пятницу в конце нашего собеседования мы говорили о молодой супруге мистера Хардинга... о том, что природа наделила ее излишне пышным бюстом. Кто-нибудь хочет коснуться этого еще раз?

Молчание; затем МАКМЭРФИ поднимает руку и щелкает пальцами, привлекая внимание.

МАКМЭРФИ. Вы предлагаете коснуться чего?

РЭТЧЕД. Нашей темы.

МАКМЭРФИ. О-о, а я-то думал, что вы имеете в виду... */Делает движение рукой, как бы лаская грудь, и раздражается хохотом./*

Но больные лишь тупо смотрят, и смех его, никем не подогретый, угасает.

РЭТЧЕД. Продолжим. Согласно записям, внесенным в книгу разными пациентами...

Стремительно входит доктор СПИВИ, штатный психиатр. Курит трубку, без конца протирает очки, человек задерганный, слабовольный. Садится на председательское место.

...Доброе утро, доктор.

СПИВИ. Извините. */Делает вялый жест рукой, как бы говоря: "Продолжайте, пожалуйста" - и с унылым видом уставляется в пол./*

РЭТЧЕД. Да... так вот, мы говорили об отношениях мистера Хардинга со своей женой...

МАРТИНИ. С чьей женой? А-а... Ну да, я вижу ее.

МАКМЭРФИ */подскакивая/*. Где?

МАРТИНИ. Мама миа...

МАКМЭРФИ. */тицетно тараща глаза/*. Господи, чего бы я не дал, чтобы у меня были такие глаза, как у этого человека.

ДОКТОР СПИВИ, очнувшись от своего оцепенения, смотрит на Макмэрфи. Достает очки, надевает их, снова снимает и поворачивается к сестре РЭТЧЕД, которая спокойно достает из плетеной корзиночки блокнот и открывает его.

РЭТЧЕД */читает/*. Макмэрфи, Рэндл-Пэтрик, направлен судом штата на предмет диагностирования и возможного лечения. Тридцать пять лет... Женат не был. За устройство побега группы военнопленных из лагеря награжден медалью за отличную службу. С позором уволен из рядов вооруженных сил - за неповиновение. Дальше следует сплошная цепь нарушений - пьянки, драки... хулиганство, нарушение общественного порядка, несколько раз - азартная карточная игра, арест за изнасилование.

СПИВИ */оживляясь/*. Изнасилование?

МАКМЭРФИ. Это так записано.

РЭТЧЕД. Пятнадцатилетней девочки.

МАКМЭРФИ. Она-то сказала мне, что ей семнадцать, и нисколько не противилась - сама на меня набросилась.

РЭТЧЕД. Судебный врач, обследовавший девочку...

МАКМЭРФИ, Так, доктор, набросилась, что я скорее стал брюки застегивать.

РЭТЧЕД, Это наш новый пациент, доктор. */Дает Макмэрфи блокнот, и тот спокойно вручает его Доктору Спиви. Тот надевает очки и принимается читать./*

СПИВИ. Хм-м. А-а... хм... Похоже... Вы что же, прежде не лечились? Сколько времени вы провели в других заведениях?

МАКМЭРФИ. Видите ли, сэр, если считать вытрезвители штата и округа...

СПИВИ. В психиатрических заведениях.

МАКМЭРФИ. А-а, в этих. Нет. Это мое первое путешествие. Но я не-нормальный, доктор, ей-богу, ненормальный. Вот тут... сейчас покажу... тот, другой доктор на ферме... */Перегибается через плечо Доктора и листает историю болезни./* Ага, вот оно. "Повторные проявления буйства, наводящие на мысль о наличии психопатии". Он сказал, что психопатия у меня - это когда я дерусь и вожусь с бабами; минуточку, минуточку, как это он говорил?... Что я проявляю излишний пыл в своих отношениях с ними. Док, это штука серьезная? То есть, я хочу сказать, с вами такое бывало?

СПИВИ */задумавшись, чуть грустно/*. Нет, должен признаться, не бывало.

МАКМЭРФИ. Насчет драки - я тут еще могу понять, а вот чтоб с бабами человек перебарщивал и это было худо - такого никогда не слышал.

СПИВИ */изучая историю его болезни/*. Тут есть вот такая интересная фраза. "Нельзя исключить, что этот человек, возможно, симулирует психоз, дабы избежать унылого однообразия работы на ферме". Ну, мистер Макмэрфи? Что мы на это скажем?

МАКМЭРФИ */сдвигая кепи на затылок и по-идиотски склабясь/*. Я что, ж, по-вашему, выгляжу как нормальный? */"Разражается хохотом на собственную шутку."/*

РЭТЧЕД. Вы не считаете, доктор, что следовало бы ознакомить мистера Макмэрфи с порядком проведения наших собеседований?

СПИВИ. Да. И одно из наших основных правил - пациенты при этом должны сидеть.

МАКМЭРФИ */опускаясь на стул/*. А, ну конечно, доктор!

СПИВИ. Мы, видите ли, строим всю работу здесь на принципе терапевтической коммуны.

МАКМЭРФИ. Чего, чего?

СПИВИ. Те-ра-пев-ти-ческой ком-му-ны. Это значит, что данное отделение представляет собой как бы общество в миниатюре. И поскольку общество решает, кто здоров, а кто - нет, человек должен соответствовать требованиям. Мы поставили себе целью построить всю работу в отделении на демократических началах, так что это отделение управляется пациентами. Здесь все нацелено на то, чтобы подготовить вас к возвращению в большой мир. Главное, чтобы в человеке не осталось никакой заразы. Говорите, Дискутируйте. Раскрывайте душу - признавайтесь. Если вы услы-

шите что-то важное, сказанное другим пациентом, запишите это в книгу записей, чтобы все могли это видеть. Вы знаете, как называется эта процедура?

МАКМЭРФИ. Наушничанье.

СПИВИ. Групповая терапия. Помогайте себе и своим друзьям вытаскивать на свет все тайны своего подсознания. Раскрывайте все свои старые грехи!

МАКМЭРФИ */с самым невинным видом/*. Какие грехи?

РЭТЧЕД. Разрешите внести предложение, доктор: не лучше ли будет, если мистер Макмэрфи на конкретном примере узнает, в чем состоит эта процедура.

/Открывает книгу записей./ Согласно записям, внесенным в книгу несколькими пациентами, мистер Хардинг говорил, что ему неловко было гулять с женой из-за того, как другие мужчины смотрели на нее. При этом он сказал: цитирую...

ХАРДИНГ */монотонно/*. И было, черт бы ее подрал, на что посмотреть. Конец цитаты.

РЭТЧЕД. Совершенно верно. Люди слышали такие, как он говорил, что, возможно, давал ей повод искать сексуального удовлетворения на стороне. В чем состоял этот повод, Дэйл?

ХАРДИНГ. Ну... не могу сказать, чтобы я был так уж с ней пылок...

РЭТЧЕД. Правильно ли будет сказать, что она считала вас сексуально неполноценным?

ЧЕЗВИК. Может, она для него просто-напросто слишком горячая штучка. Верно я говорю, Хардинг?

БИЛЛИ */с ехидством, порожденным собственной бедой/*. А я ув-верен, он боялся ее,

ХАРДИНГ. Нисколько!

МАРТИНИ. Конечно, боялся!

ХАРДИНГ. Правильнее было бы сказать... был ею подавлен,

ЧЕЗВИК. Что так, что этак - все одно.

РЭТЧЕД. Я вижу, мистер Хардинг говорил также, что в присутствии жены у него возникал комплекс неполноценности.

СКЭНЛОН. Зачем же он тогда женился на такой дамочке?

ЧЕЗВИК */с умным видом/*. А у него, видать, комплекс матери.

СКЭНЛОН, Потому что он, видно, материнскую грудь никогда не сосал.

МАКМЭРФИ с возрастающим изумлением взирает на происходящее.

ХАРДИНГ */в испуге/*. Ничего подобного! Просто мне хотелось иметь рядом женщину женственную. Которая не соперничала бы со мной, а помогла бы... */Делает широкий жест рукой./*

РЭТЧЕД. Помогла бы преодолеть в самом себе определенные тенденции? Вы хотите сказать, что ваша проблема в какой-то мере состоит в том, что жена считает вас недостаточно мужественным?

ЧЕЗВИК. Ну да, посмотрите, что он делает со своими руками..

ХАРДИНГ поспешно засовывает обе руки между колен.

А, Хардинг?

РЭТЧЕД. Итак, вы намеренно избрали себе женщину, которая интеллектуально намного ниже вас. Разве вы не понимаете, что это значит?

ХАРДИНГ. Да, конечно. Но теоретически... мне казалось... что по крайней мере в плане сексуальном...

БИЛЛИ. В-верно, в-верно. В-вы все время нам говорили, до ч-чего она хороша в постели.

ЧЕЗВИК. Угу, и как - здорово у вас получалось?

ХАРДИНГ. Ничего... ничего не могу: полная психическая импотенция... А, черт, ну почему я всегда плачу?

СКЭНЛОН. Послушай, Хардинг, а не легче тебе будет, если ты сейчас просто

встанешь и признаешься, что ты - не мужик?

МАКМЭРФИ */вскакивает на ноги, с грохотом роняя стул/*. Прекратите, черт бы вас подрал!

РЭТЧЕД. Мистер Макмэрфи!

МАКМЭРФИ. Да оставьте вы наконец мужика в покое!

РЭТЧЕД. Сядьте!

МАКМЭРФИ */Хардингу/*. Слушай, приятель, ты же не обязан выслушивать всю эту белиберду!

РЭТЧЕД */с треском захлопывая книгу записей/*. Доктор, я предлагаю прекратить собеседование.

СПИВИ. Да?

РЭТЧЕД. Прекратить, пока не будет восстановлена дисциплина.

ДОКТОР СПИВИ покорно встает и выходит. СЕСТРА РЭТЧЕД собирает свои вещички, кладет книгу для записей на место и тоже выходит. Больные молчат - чувствуется, что им стыдно за то, что они так ополчились на одного из своих. ХАРДИНГ продолжает сидеть. Он что-то напевает сквозь крепко стиснутые зубы. МАКМЭРФИ подходит и садится верхом на стоящий рядом с ним стул.

МАКМЭРФИ. Послушай, приятель, они всегда так происходят, эти ваши собеседования? Выпускают цыплят на волка для клева - пусть, мол, развивают клювики?

ХАРДИНГ. Для клева? Понятия не имею, о чем вы.

МАКМЭРФИ. Могу пояснить. Цыплята, как увидят кровь на каком-нибудь цыпленке, набрасываются на него и клюют - ясно? Клюют, пока от цыпленка ничего не останется - только кости да перья, вымазанные в крови. Но в этом побоище еще парочке цыплят изрядно достается, и тогда в другой раз - уже их черед,

ХАРДИНГ */сцепив руки, заставляет себя говорить намеренно небрежным тоном/*. Клев. М-да, приятная аналогия, мой друг, ничего не скажешь.

МАКМЭРФИ. Правильно, мой друг. Вот что мне напомнило ваше собеседование.

ХАРДИНГ. Значит, в данном случае я был тем самым окровавленным цыпленком, да, дружище?

МАКМЭРФИ. Совершенно верно, дружище. И хочешь знать, кто первый тебя клеванул? Эта милая сестрица - вот кто.

ХАРДИНГ. Как все, оказывается, просто. Проще некуда. Вы пробьли у нас в отделении всего шесть часов и свели на нет всю работу Фрейда, Юнга и Максвелла Джонса: единственная напрашивается аналогия - клев.

МАКМЭРФИ. Ни про какого Фрэда, Юнга и какого-то там еще Джонса я тебе, мальчик, не толковал. Я тебе втолковывал про это дурацкое собеседование и про то, что устроила тебе сестрица.

ХАРДИНГ. Устроила мне?

МАКМЭРФИ. Лопатами валила.

ХАРДИНГ. Уму непостижимо! Вы же абсолютно не учитываете обстоятельство, что она все это делает для моего же блага.

МАКМЭРФИ. Е-рун-да...

ХАРДИНГ. Вы меня огорчаете, мой друг. Я считал вас умнее. Но, видимо, ошибся.

МАКМЭРФИ. Пошел ты к черту.

ХАРДИНГ. О да, я, конечно, заметил вашу примитивную грубость. Психопат с явной тенденцией к садизму, по всей вероятности, обусловленному неосознанной эгоманией. А эти таланты несомненно указывают на то, что вы, мой друг, как нельзя больше подходите для того, чтобы самому врачевать. Ну конечно, эти ваши качества позволяют вам критиковать мисс Рэтчед, высококвалифицированную сестру-психиатра с двадцатилетним стажем. Но при вашем таланте вы, несомненно, способ-

ны творить чудеса с подсознанием, усмирять бессознательное, залечивать раны оскорбленного суперэго. Вы, очевидно, могли бы исцелить все наше отделение, и этих фруктов, и всех-всех за какие-нибудь полгода, делайте ставки, леди и джентльмены, если исцеления не будет - деньги вернем!

МАКМЭРФИ */спокойно смотрит на него/*. Вы что же, хотите сказать, что эта чертовщина, которой мы тут сегодня занимались, приносит кому-то пользу?

ХАРДИНГ. А зачем бы в таком случае нам этим заниматься? Мисс Рэтчед - дама, конечно, весьма суровая, но она же не монстр, не взбесившаяся курица, готовая выклевывать вам глаза.

МАКМЭРФИ, Нет, приятель. Она выклевывает тебе не глаза. Она целится много, ниже - прямо на семейное сокровище!

ХАРДИНГ. Мисс Рэтчед? Да она нам как мать, как нежная мамочка...

МАКМЭРФИ. Ты мне тут не разводи сироп. Хороша мамочка! Да она как нож острый и тверже стали.

ХАРДИНГ */по мере того как он говорит, речь его все убыстряется, руки начинают трястись и плясать, и сам он весь становится точно взбесившаяся марионетка, исполняющая дикий танец/*. Вот что, друг мой, коллега-психопат, мисс Рэтчед - настоящий ангел благодати и... и... это же всем известно. Она, как бескорыстный ветер, изо дня в день, семь дней в неделю трудится на благо всех нас. У нее нет ни личной жизни, ни мужа, ничего, кроме работы, - все это знают, Думаете, ей нравится быть с нами такой строгой, задавать все эти вопросы, буравить наше подсознание, пока не станет больно? Нет, приятель-эгоманьяк, она посвятила себя этому, она отдает нам себя без остатка и мечтает лишь о том, чтобы мы вышли отсюда приспособленными к жизни, чтобы мы снова могли в ней участвовать. Так что, уверяю вас, вы заблуждаетесь. Наша мисс РЭТЧЕД - милейшая, добрейшая, благожелательнейшая женщина на свете, самая чудесная, какую я когда-либо... когда-либо... когда-либо... */Умолкает, начинает хохотать. Затем смех его переходит в рыдание./ У-у, сволочь, сука...*

Больные молча смотрят на него. ХАРДИНГ на ощупь достает из кармана пачку сигарет. МАКМЭРФИ вытаскивает ему сигарету из пачки и подносит к ней огонек.

БИЛЛИ */после долгого молчания/*, В-верно в-вы сказали. Все именно так.

МАКМЭРФИ. О'кей. Так почему вы это терпите?

ХАРДИНГ. Почему? Да потому что мир, мой друг, принадлежит сильным. Заяц понимает, что волк сильнее его, роет себе нору и прячется туда, когда появляется волк. Он волка на бой вызывать не станет. */Смеется./* Мистер Макмэрфи... друг мой... я не цыпленок, я заяц. И все мы тут зайцы, прыгаем-скачем по нашему кукольному миру! А что, Билли, попрыгай-ка для развлечения мистера Макмэрфи. А ты, Чезвик, покажи, какой ты у нас мохнатенький. Ах, они стесняются. Какие милашки, правда?

МАКМЭРФИ */резко/*. Прекрати!

ХАРДИНГ */спокойно/*. Ну хорошо, друг, а как, вы считаете, мы должны себя вести?

МЭРФИ. Устройте тарарам, Пошлите ее к черту!

ЧЕЗВИК */с издевкой/*. А ты попробуй, приятель. Они тебя быстро переправят наверх, к буйным.

СКЭНЛОН. Или вниз - в шоковую сборочно-разборочную.

МАКМЭРФИ, Куда, куда?

ХАРДИНГ. Есть такая терапия - электрошок, друг мой. Это изобретение действует куда лучше снотворного, электрического стула и камеры пыток, вместе взятых.

МАКМЭРФИ. ты шутишь!

СКЭНЛОН */приложив руки к вискам/*. Нет, черт побери, нет.

ХАРДИНГ */с изощренным удовольствием/*. Вас привязывают к столу. Затем к каждому виску прикрепляют датчики с проводами, Вжик! И вот вам одновременно - и наказание и лечение. Вождя Бромдена – вон того. Его уже раз двести так лечили.

МАКМЭРФИ. Ну, а этот доктор - для чего?

ХАРДИНГ. О, ей, конечно, требуется его согласие. Но это чистая формальность. У него двести пациентов, открытая язва желудка и ни малейшего желания нарушать покой. Здесь, в этих психушках, сестры хозяйничают. */Ехидно./* Что с вами, друг мой? Бунтарства немного поубавилось?

МАКМЭРФИ. А как же насчет всей этой брехни про демократию в отделении? Почему вы не проголосуете?

БИЛЛИ. Нас-счет ч-чего?

ХАРДИНГ. Что главная сестра не должна нам больше задавать вопросов?

ЧЕЗВИК. Не может смотреть на нас. как ей охота?

СКЭНЛОН. Не может отправить нас в шоковую?

ХАРДИНГ */слащаво/*. Ну, скажите нам, друг мой, что, по-вашему, мы должны ставить на голосование?

МАКМЭРФИ. Да все, черт подери, все! Неужто вы не понимаете, что надо показать, что вы еще на что-то способны. Вы говорите, вождь боится. А вы посмотрите на себя, ребята. В жизни не видал более запуганных дураков!

ЧЕЗВИК */вставая/*. Никакой я не запуганный.

МАКМЭРФИ поворачивается и в упор смотрит на него. ЧЕЗВИК снова садится.

МАКМЭРФИ */помолчав, передергивает плечами/*. Ну-у... моей шкуры она не получит.

ХАРДИНГ. Несомненно.

МАКМЭРФИ. И уж я-то не допущу, чтоб какая-то ведьма-сестра пропустила через меня три тысячи вольт.

ХАРДИНГ. Естественно.

МАКМЭРФИ */направляясь к выходу/*. Так какого же черта!

ХАРДИНГ. Кстати, мистер Макмэрфи! */Увидя, что Макмэрфи приостановился, говорит ему с поклоном./* Предлагаем вам присоединиться к нашему клубу.

МАКМЭРФИ */повернувшись, медленно идет назад/*. Так ты говоришь, она ничего не может сделать, пока не прищучит тебя?

ХАРДИНГ */настороженно/*. Совершенно верно.

МАКМЭРФИ. Пока как-нибудь не расколется тебя... Скажем, пока ты не дашь ей в нос или не пошлешь ее подальше?

ХАРДИНГ. Если будете держать себя в руках, все будет в порядке.

МАКМЭРФИ */шагает по сцене, насвистывая и раздумывая. Больные напряженно следят за ним/*. О'кей. Ладненько. Будем, птички, считать, что к вам в клетку попал бойцовый петух. Ну-ка, не хотите на это поставить денежку?

ХАРДИНГ. На что?

МАКМЭРФИ. На то, что я скручу ее в бараний рог.

ХАРДИНГ */восторженно/*. Вы предлагаете на это пари?

МАКМЭРФИ. Бьюсь об заклад, что я за неделю запущу пчелу под хвост этой сестричке. Я ее так доконаю, что она треснет по швам, и вы, ребятки, увидите, что и с ней можно совладать. Одна неделя, мальчики, и если я не доведу ее до того, что она знать не будет, где сесть и где встать, - денежки ваши!

ЧЕЗВИК */в восторге/*. Ух ты!

МАКМЭРФИ. Кто из вас готов расстаться с пятеркой? Давайте, ребята, раскошеливайтесь, или уж сидите, как сидели!

ХАРДИНГ. Мистер Макмэрфи, такое пари требует более высокой ставки. Пятнадцать долларов против ваших пяти, что у вас ничего не выйдет.

МАКМЭРФИ /больные поспешно образуют очередь, подписывая долговые записки/. Э-ге-гей, смотрите, не опоздайте. Один поворот колеса, один расклад карт! Перед вами - сражение века! Одна неделя, всего семь дней, все средства дозволены, Рэ Пэ Макмэрфи против старшей сестры - до нокаута. Ставки - три к одному, ребята... денежки на стол, э-ге-гей, живо!..

МАРТИНИ. Ставлю пять долларов...

МАКМЭРФИ. Пятерку - на бегуна!

Входит СЕСТРА РЭТЧЕД.

РЭТЧЕД. Джентльмены, время для трудовой терапии.

Больные мгновенно разбегаются по своим местам. УИЛЬЯМС отрывает Рагли от стены и уводит его в палату.

Мистер Макмэрфи, чем это вы тут занимаетесь?

МАКМЭРФИ /поспешно записывая цифры последних ставок/. Мы тут устроили одну маленькую игру.

РЭТЧЕД. Вы ручаетесь, что это не азартная игра?

МАКМЭРФИ /изображая возмущение/. Господи, конечно, нет, мэмм...

/СЕСТРА РЭТЧЕД улыбается и выходит./

Какая там игра? Не игра, а чистый выигрыш.

Выходит, и СВЕТ БЫСТРО гаснет, лишь один луч высвечивает Вождя."/ /В де-журке вспыхивают огни, сплетающиеся в странный узор под аккомпанемент электронной музыки, звучащей как зуммер.

ВОЖДЬ БРОМДЕН /голос на магнитофонной ленте/. Видишь, как тут у нас, папа? На ночь включается автоматический режим. Ведь это ночью они делают с нами что хотят... потому как слишком это страшно, чтоб делать такое днем. А если ночи не хватает, они ее растягивают. Да, да, папа, точно так. Они делают со временем что хотят: хотят - оно пойдет быстрее, хотят ~ пойдет медленнее. Я сам видел, как три месяца проскочили за час. Сам видел, как три дня промелькнули вот так. /Прищелкивает пальцами./

Из палаты раздается веселое посвистыванье. Призрачные огни и музыка тотчас исчезают. Включается нормальный НОЧНОЙ СВЕТ. ВОЖДЬ приседает на корточки возле качалки. Входит МАКМЭРФИ - босиком, на цыпочках, в одних брюках и в кепи. Озирается вокруг, обнаруживает свою колоду карт с изображением голых женщин, хватая ее.

МАКМЭРФИ. Вот вы где, крошки, чего-чего, а терять вас не хочу. /Быстро проводят пальцем по колоде, разбрасывает ее веером и мгновенно собирает карты вместе, радуясь собственной ловкости. Замечает Вождя./ Эй, вождь!

ВОЖДЬ, перевернув кресло-качалку, что-то отковыривает от обивки. МАКМЭРФИ, заинтересовавшись, подходит к нему.

Ты что это творишь? /Опускается на корточки рядом с Вождем и, присмотревшись к днищу качалки, присвистывает./ Батюшки-светы, да тут тыщ десять жвачек будет! Ты, что, Вождь, устроил здесь хранилище? Подожди-ка, мы сейчас придумаем кое-что получше. /Сует руку в карман и с победоносным видом вытаскивает упаковку жвачки./ Фруктовая - пойдет? /Сдирает обертку и сует жвачку в рот Вождю./ Вот так-то оно лучше, индей, во рту свежей будет.

/Слышен звук ключа, вставляемого в дверь, ведущую из отделения.

Разбегайтесь! Кто-то идет! */Ныряет за угол и прижимается к стене./*

ВОЖДЬ следует за Макмэрфи. Входит санитар ТЭРКЛ, немолодой негр, работающий по ночам. Что-то напевая себе под нос, ТЭРКЛ ставит на место два-три опрокинутых стула, проверяет помещение, освещая его карманным фонарём. Вытаскивает из заднего кармана бутылку и делает из нее два-три глотка. Затем, напевая что-то печальное, выходит.

МАКМЭРФИ и ВОЖДЬ БРОМДЕН выходят из своего укрытия.

МАКМЭРФИ */задумчиво оглядывает Вождя./* Знаешь, что я скажу тебе, Вождь... ведь когда я гаркнул, ты подскочил, А мне кто-то разве не говорил, что ты глухонемой?

МАКМЭРФИ тыкает пальцем Вождя под ребро, весело хихикает и, продолжая посмеиваться, пританцовывая, уходит в палаты. ВОЖДЬ следует за ним. Свет гаснет.

Свет снова вспыхивает, освещая пустую общую комнату. Утро. Входят санитары УОРРЕН и УИЛЬЯМС. Они несут все, что требуется для уборки: тряпки, щетки, ведро с мыльной водой, Ставят на пол свои приспособления и принимают-ся протирать стекла и плитусы.

УОРРЕН. Все заляпано, захватано.

УИЛЬЯМС. Поцарапано.

УОРРЕН. Главная, как увидит, такой устроит тарарам.

УИЛЬЯМС. Отлупит этой своей корзинкой.

УОРРЕН. Еще чего! Пусть попробует - сдачи дадим.

УИЛЬЯМС. Ишь как разошелся!

УОРРЕН. Для начала заткнем ей рот этой банкой.

УИЛЬЯМС. Разложим на полу!

УОРРЕН. Откроем рот!

УИЛЬЯМС, И все туда - ей!

УОРРЕН. Да еще щеткой подтолкнем, чтоб прошло поглубже! */Делают вид, будто топчут ногами главную сестру./*

МАКМЭРФИ */распевая за сценой/*. Лошадки не ели - она мне сказала,

Пойди накорми их, подкинь им сенца...

Пританцовывая и размахивая зубной щеткой, выходит из палаты и направляется в туалет. На нем только кепи и полотенце, обвязанное вокруг бедер.

Приятного утречка, ребятки!

Санитары, вытаращив глаза, смотрят на него, потрясенные не столько его видом, сколько пением. А он продолжает свой путь, радостно распевая во все горло.

"Лошадки поели, не надо им сенца. Так что, красотка, не держи-ка ты меня..." */Почти тотчас снова появляется из туалета и дружески хлопает Уоррена по плечу./* Эй, старина, можно тут у вас разжиться пастой для моих клыков?

УОРРЕН */с опаской поглядывая на сильную руку, лежащую у него на плече/*.

Шкаф мы открываем только без четверти семь.

МАКМЭРФИ. Она у вас что, там в шкафу лежит? Под замком?

УОРРЕН. Правильно.

МАКМЭРФИ. Так-так-так, а почему, ты думаешь, главная держит под замком зубную пасту? Я хочу сказать, она ведь не опасная?

УИЛЬЯМС */почувствовав что-то неладное, подходит/*. А потому что так по больничным правилам.

МАКМЭРФИ. Значит - по больничным правилам? Но все-таки почему?

УИЛЬЯМС. Ну, а как бы это, по-твоему, выглядело, если бы каждый стал чистить зубы, когда ему вздумается?

МАКМЭРФИ */рассудительно/*. Угу. Я, кажется, начинаю понимать: правила, значит, установлены для того, чтобы всякий, кому вздумается, не мог чистить зубы после каждой еды.

УИЛЬЯМС. Господи ты, боже мой, ну разве не ясно?

МАКМЭРФИ. Ага, теперь вроде ясно. Ты, значит, хочешь сказать, что люди стали бы чистить зубы, кому когда бог на душу положит.

УИЛЬЯМС. Ну да, ведь это ж...

МАКМЭРФИ. Батюшки мои, нет, вы только представьте себе! Люди стали бы чистить зубы в шесть тридцать, в шесть двадцать, а кто, может, и даже в шесть утра!

УОРРЕН */чувствуя себя не в своей тарелке/*. Хватит, Уильямс. У нас работа стоит...

МАКМЭРФИ. Эй, обождите-ка. Что это у нас тут?

УОРРЕН. Где?

МАКМЭРФИ. Да вот тут - что за дрянь в этой банке?

УОРРЕН. Мыльный порошок.

МАКМЭРФИ. Ну, обычно-то я пользуюсь пастой... */Опускает зубную щетку в банку и стучит ею о край, стряхивая лишний порошок./* А насчет этих дурацких больничных правил - мы ими займемся позже. */Пританцовывая и напевая, возвращается в туалет, пение превращается в бормотание, когда он начинает чистить зубы./*

Санитары ошарашено смотрят ему вслед. Затем УОРРЕН замечает Вождя, хватая щетку и в сердцах направляется к нему.

УОРРЕН */совывая щетку в руки Вождю/*. Держи, черт бы тебя побрал, давай работай, не стой тут, вылупив глаза, точно глупая корова. Шевелись же! Шевелись!

ВОЖДЬ начинает размеренно махать щеткой. Входит СЕСТРА РЭТЧЕД, вставляет ключ в дверь дежурки и застывает, услышав непривычные звуки.

МАКМЭРФИ */распевая за сценой во все горло/*. Ох, твоя родня меня не любит; слишком ты бедный, говорит, и в дом входить мне не велит. Я ж люблю жить без копейки: денежки - они мои, И кому это не по нраву - пусть катится в тарары!

Последнюю строку он поет уже на сцене, прямо в лицо сестре РЭТЧЕД, которая в ужасе застывает при виде полуголого мужчины.

С добрым вас утречком, мисс Рэтчед! Как дела там, на воле?

РЭТЧЕД. Нельзя же так расхаживать... в одном полотенце!

МАКМЭРФИ, Значит, ходить в полотенцах тоже против правил? О'кей, тогда я сейчас... */Берется за концы полотенца./*

РЭТЧЕД. Прекратите! Да как вы смеете! */Зловеще./* Немедленно отправляйтесь в палату и оденьтесь как следует - сию же секунду.

В комнате появляются больные и останавливаются, наблюдая за происходящим.

МАКМЭРФИ */свесив голову, точно вот-вот заплачет/*. Не могу я это сделать, мэм. Какой-то, видно, вор ночью все у меня украл.

РЭТЧЕД, Украл?.. Ваши вещи должны были взять и... и отправить в дезинфекцию. Уильямс?!

УИЛЬЯМС */поспешно/*. Дезинфекцией занимается Уоррен.

РЭТЧЕД. Уоррен! Подите сюда.

УОРРЕН не без опаски подходит к ней.

Вы что, не видите, что на этом человеке ничего нет, кроме полотенца?

МАКМЭРФИ */суфлируя шепотом/*. Еще есть кепи...

РЭТЧЕД. Ну?!

УОРРЕН. Так ведь он... он слишком рано встал.

РЭТЧЕД. Значит, слишком рано встал. Сию же секунду принесите ему одежду, Уоррен, или на две недели отправитесь к хроникам мыть ночные горшки!

УОРРЕН выходит, кипя от возмущения. МАКМЭРФИ вслед ему насвистывает какую-нибудь сентиментальную мелодию и делает несколько па.

А вы - чтоб этого полотенца на вас не было, сию же секунду

МАКМЭРФИ. Всенепременно! */Сдергивает с себя полотенце. Под полотенцем на нем оказываются черные атласные трусы с рисунком в виде белых акул с красными глазами. Макмэрфи весело скалится./* Ничего, а? */Поворачивается перед всеми, чтобы лучше было видно./* Подарочек от милашки в штате Орегон. Говорила, я для нее - как бог,

Входит СЕСТРА ФЛИНН, и МАКМЭРФИ делает вид, будто хочет на нее прыгнуть. СЕСТРА ФЛИНН с криком убегает.

РЭТЧЕД, Прекрасно, мистер Макмэрфи, если вы покончили с демонстрацией своей мужской силы и красоты, то, может быть, вы все-таки соблаговолите одеться.

МАКМЭРФИ */подбирая с пола полотенце/*. С вос-торгом. */Удаляется, хлопывая себя по голому животу и распевая./* Она меня в дом пригласила и пылкий мой нрав укротила. И тихонько маме сказала: "Люблю, мама, милого я!.."

РЭТЧЕД */ослабившемуся Уильямсу/*. Вам что, больше делать нечего, как стоять тут и тарашить глаза? Я требую, чтоб в этой комнате пылинки не было. */Пациентам, ласково улыбаясь./* Джентльмены, а вам - не пора ли одеться?

Все поспешно уходят в палаты. СЕСТРА РЭТЧЕД подходит к сестре Флинн, стоящей у шкафа с медикаментами.

ФЛИНН. Ой-ой-ой, что вы о нем скажете, мисс Рэтчед?

РЭТЧЕД. О ком - о мистере Макмэрфи?

ФЛИНН. По-моему, интересный мужчина, веселый и вообще, . вот только, мне кажется, хочет все тут к рукам прибрать.

РЭТЧЕД */переставляя лекарства на подносике/*. Боюсь, именно это он и задумал. И возможно, ему это удастся - на какое-то время...

ФЛИНН. Да, но зачем? Что он этим хочет доказать?

РЭТЧЕД. Вы забываете, мисс Флинн: у нас больница для людей ненормальных.

Свет быстро гаснет; лишь луч прожектора высвечивает Вождя, который стоит, держа в руках щетку. СЕСТРА РЭТЧЕД находится в дежурке. Больные и УОРРЕН входят и передвигаются по сцене, пересекая луч прожектора. Они расставляют стулья для собеседования. Тем временем мы слышим, что думает

ВОЖДЬ.

ВОЖДЬ БРОМДЕН */голос на магнитофонной ленте/*. Вспомнил я одно рождество, папа... Здесь, в больнице. Ровно в полночь -а на улице был большой ветер, и дверь вдруг настежь, и входит огромный детина, весь в красном, с большой седой бородой и с усами. "Хо-хо-хо, - говорит он, - хотел бы я у вас остаться, да спешить надо - времени в обрез, все расписано". Санитары как подскочили к нему, ослепили своими фонариками, дали успокоительного и - прямо к буйным. Шесть лет продержали его там, папа, а когда выпустили, никаких волос у него не было, и худущий он стал, как жердь.

Вспыхивает свет. В дежурку входит УОРРЕН, а сестра РЭТЧЕД - выходит. Начинается собеседование. Все на местах, кроме МАКМЭРФИ и доктора Спиви.

РЭТЧЕД */закрывая книгу записей/*. Вот что, друзья, прежде чем начать наше собеседование, я хотела бы кое-что с вами обсудить. Неофициально, понятно? Речь пойдет о больном Макмэрфи.

ЧЕЗВИК. Эй, а где же Макмэрфи?

РЭТЧЕД. Я предложила ему побеседовать с доктором Спиви. Никаких решений мы здесь, как вы понимаете, принимать не будем. Просто я считаю, что он выводит из равновесия других пациентов и этому пора положить конец.

СКЭНЛОН. Меня, к примеру, ни из какого равновесия он не выводит.

ЧЕЗВИК. Меня тоже!

РЭТЧЕД. Вы, возможно, этого и не осознаете. Однако...

Из-за сцены доносятся звуки оживленного разговора, добродушный мужской смех, затем дверь в отделение открывается и входят ДОКТОР СПИВИ и МАКМЭРФИ. МАКМЭРФИ дружески обхватил рукой доктора за плечи; он даже берет у доктора ключ и, когда они уже вошли, запирает входную дверь.

МАКМЭРФИ. Верно, док? Что скажете, а?

СПИВИ. О, это чудесное предложение.

МАКМЭРФИ. Такое устроим веселье! *(Тычет пальцем доктора под ребро, оба хохочут, подталкивая друг друга.)*

РЭТЧЕД. Доктор! Доктор, у нас ведь собеседование.

СПИВИ. Что? Ах да, извините, пожалуйста, продолжайте!

РЭТЧЕД */с ледяной улыбкой/*. Хорошо. Итак, мы обсуждали проблему состояния духа!

СПИВИ. Так ведь и мы говорили об этом! И я предложил... */Озадаченно, к Макмэрфи./* Или это вы предложили?

МАКМЭРФИ, Черт, нет, это была ваша идея!

СПИВИ. Так вот я предложил... Как вы думаете, что если нам устроить карнавал?

РЭТЧЕД. Кар... карнавал?

СПИВИ */широко улыбаясь/*. Прямо здесь, в отделения. Верно, смешно будет? Разные игры, киоски, украшения... А вы, больные, что скажете?

ЧЕЗВИК */уставясь на Макмэрфи, который показывает ему поднятый вверх большой палец/*. О-о-о! По-моему, идея что надо!

СПИВИ. И даст определенный терапевтический эффект.

СКЭНЛОН. Еще бы, черт подери, от карнавала такая будет терапия!

ЧЕЗВИК. Скэнлон мог бы взорвать свою бомбу. А я кое-что придумаю по трудовой терапии.

МАКМЭРФИ. Ну, а я с нашим вам удовольствием встану за колесо лотереи. */Нараспев./* "Эй, дамы, господа, подходите все сюда. Десять центов - монета мала, но

счастье-удачу приносит она!"

СПИВИ. О, прекрасно!

МАРТИНИ. А я могу продавать разные разности!

ХАРДИНГ. А я умею читать по руке,

СПИВИ. Прекрасно, прекрасно! А вы что скажете, мисс Рэтчед?

СЕСТРА РЭТЧЕД смотрит на него с застывшей улыбкой.

Я имею в виду... карнавал. Здесь... в отделении?

РЭТЧЕД */после долгого молчания, которое уже говорит само за себя: ясно, что идея похоронена/*. Да, я согласна, это может иметь терапевтический эффект. Но прежде мы должны обсудить это на совещании персонала. Вы ведь так и намеревались поступить, доктор?

СПИВИ. Да, конечно... просто я подумал... поговорив с некоторыми пациентами... но совещание персонала... да, конечно ,

РЭТЧЕД. И еще, доктор, я рекомендовала бы отказать мистеру Макмэрфи в его просьбе, пока он не освоится с правилами нашего отделения, а он просит, чтобы "цыпочке по имени Кэнди Старр", как он выразился, разрешили посетить его.

СПИВИ. А я... словом... мистер Макмэрфи подал мне бумагу со своей просьбой, когда был у меня в кабинете, и я подумал... я хочу сказать, поскольку он ведь здесь уже неделю... я ее подписал.

МАКМЭРФИ и БИЛЛИ оба ликуют, ВОЖДЬ убирает - щетку в чулан.

РЭТЧЕД */открывая книгу записей/*. Прекрасно. Итак, Билли Биббит и его речевые затруднения, Ты можешь припомнить, Билли, когда впервые столкнулся с речевыми трудностями? Когда ты начал заикаться?

БИЛЛИ. Д-да с-сразу, как начал г-говорить. Как с-ска-зал м-мама. А когда с-стал делать п-рредложение девочке, то с-совсем зап-путался. Я с-сказал: "П-п-п-птичка, я х-хочу на тебе ж-ж-ж..."

МАКМЭРФИ, желая приободрить его, смеется. БИЛЛИ, заразившись его настроением, начинает хихикать.

...никак закончить не м-могу. а она как рас-с-хохочется.

РЭТЧЕД. Твоя мама говорила мне про эту девушку, Билли. Судя по всему, она была недостойна тебя. Возможно, это тебя и испугнуло?

БИЛЛИ. Нет!

РЭТЧЕД. Тогда в чем же дело?

БИЛЛИ. Я ж-же был влюблен в н-нее.

РЭТЧЕД, А ты не думаешь, что все обстояло иначе? Вот твоя мама, Билли, говорит - я цитирую: "Это была ловкая шлюха, которая только и думала, как охмурить моего Билли, потому что..."

БИЛЛИ */взволнованно/*. Нет! Она ж-же была такая м-милая... */Свет быстро гаснет, лишь луч прожектора высвечивает Вождя. Звуки перестрелки./*

ГОЛОС. Эй, Бромден!.. Убери парня из-под дерева, его же подстрелить могут! Бромден... Вэ-етла-а... Бромден! Ты слышишь меня?.. Бромден, чертов сын, да слышишь ты меня или нет? */Грохот орудий, пулеметные очереди. ВОЖДЬ в ужасе мечется по сцене, и когда звуки стихают, замирает./*

ГОЛОС ВОЖДЯ. Не могу я помочь тебе, Билли. Никто из нас не может тебе помочь. Когда человек помогает, он сам подставляется. Вот чего Макмэрфи никак не поймет: надо сидеть тихо - тогда целым останешься. Потому никто и не жалуется на туман, Как ни худо, а укроешься в тумане, и ничто тебе не грозит.

Мгновенно включается полный свет.

МАКМЭРФИ. Послушайте-ка, у меня есть один вопросик.

РЭТЧЕД. Если вы хотите взять слово, то должны сначала представиться.

МАКМЭРФИ, Вы что же, до сих пор меня не знаете?

РЭТЧЕД. Я узнаю вас, но еще не знаю.

МАКМЭРФИ. М-да. Чертовски трудная у вас проблема! */Сочувственно./* Хотите, поговорим об этом?

РЭТЧЕД. Доктор, как по-вашему, не обсудить ли нам поведение мистера Мак-мэрфи?

СПИВИ. В каком аспекте?

РЭТЧЕД. Я наблюдаю явное ухудшение дисциплины с тех пор, как он к нам поступил. Мне кажется... другая форма терапии...

МАКМЭРФИ. Ну, ну, высказывайтесь! Хотите подключить ко мне свои батарейки и подзарядить?

РЭТЧЕД */с улыбкой/*. Для вашего же блага, Рэндл.

МАКМЭРФИ. К свиньям собачьим!

СПИВИ */неожиданно для всех/*. Должен сказать, сестра, что я согласен с пациентом Макмэрфи. Я нахожу, что у него вполне ясное сознание, он коммуникабелен и, несмотря на свое прошлое, пока не проявил тенденции к буйству. Поэтому я считаю, что электрошоковая терапия ему не показана.

РЭТЧЕД. Отлично. В таком случае, если нам больше нечего...

МАКМЭРФИ. Док, у меня есть одно маленькое дельце,

РЭТЧЕД. Мне кажется, доктор, вы должны разъяснить, что цель наших собеседований - терапевтическая, лечебная и всякие мелочи...

МАКМЭРФИ. Мелочи?! Вы называете игры на Кубок мелочью?

СПИВИ, Игры на Кубок?..

МАКМЭРФИ. Ну конечно, док, они начинаются в пятницу. Такие игры! А у вас тут правило, что можно смотреть телевизор только вечером. Так что давайте переменим время и будем смотреть днем.

РЭТЧЕД */медовым голосом/*. В терапевтических целях?

МАКМЭРФИ. Конечно, черт побери, в терапевтических!

РЭТЧЕД. А может быть, вы рассчитываете поживиться на этом?

МАКМЭРФИ. Так как насчет игр, ребята? Неужто вам не охота посмотреть игры на Кубок, Чезвик?

ЧЕЗВИК. Отчего же!

МАКМЭРФИ. Скэнлон?

СКЭНЛОН */поеживаясь/*. Не знаю, Мак...

РЭТЧЕД. Мистер Скэнлон, насколько я помню, вы три дня отказывались принимать пищу» пока мы не разрешили вам включать телевизор в шесть часов вместо шести тридцати.

СКЭНЛОН. Человеку нужно знать, что творится в мире, верно? Господи, да они могли бы разгромить нас к черту, а мы б узнали только через неделю. */Сестре Рэтчед./* А нельзя смотреть и то, и другое?

РЭТЧЕД. Нет, никак нельзя.

СКЭНЛОН. Ну... может, они и не разгромят нас на этой неделе.

МАКМЭРФИ. Вот молодец! Давайте голосовать. Все, кто "за", поднимите руки!

ЧЕЗВИК поднимает руку. СКЭНЛОН - тоже. Остальные смотрят в пол.

Эй, это еще что за чертовщина? Я считал, что вы, ребята, имеете право по такому делу голосовать. Верно ведь, док? */Доктор кивает./* О'кей, так кто хочет смотреть игры на Кубок?

ЧЕЗВИК еще выше поднимает руку, а больше - никто .

Да что это с вами, ребята?

РЭТЧЕД. Трое, мистер Макмэрфи, Всего лишь трое. Недостаточно, чтоб изменить правила. Ну, коль скоро с этим все ясно, можно заканчивать наше собеседование,

МАКМЭРФИ. Да уж... давайте лучше это треклятое собеседование кончать,

Доктор СПИВИ встает и выходит. СЕСТРА РЭТЧЕД кладет книгу записей на место и тоже выходит. Больные расставляют по местам стулья и разбредаются по комнате. УОРРЕН помогает им, затем, когда все расставлено, возвращается в дежурку.

БИЛЛИ /*после долгого молчания*/. П-послушайте, Рэндл. Н-некоторые из н-нас уже давно здесь. И н-некоторые из н-нас еще долго б-будут здесь после т-того, как в-вас и с-след простынет. И п-после того, как кончатся игры на Кубок. Так н-не-ужели в-вы не в-видите... н-неужели не понимаете...

МАКМЭРФИ /*отрицательно качает головой*/. Нет, не понимаю. Этого - я - не понимаю.

БИЛЛИ в отчаянии отворачивается.

Послушайте, Хардинг, да что это с вами?

ХАРДИНГ пожимает плечами и отворачивается.

Чего вы, ребята, боитесь? Нет, вы просто какие-то бесхребетные. Надо мне оставить вас ей на съедение - и точка. Вот так -рвануть из этой двери, захлопнуть ее за собой, забить гвоздями и - привет.

БИЛЛИ. Да? Ну хорошо, вот вы тут р-распетушились - а как бы вы отсюда ушли?

МАКМЭРФИ. Да сорок способов есть!

ХАРДИНГ. Назовите один.

МАКМЭРФИ. Думаешь, я треплюсь, да? /*Озирается вокруг, и взгляд его останавливается на ящике, стоящем у основания дежурки.*/ Вот. Эта штука, на которой сидит Билли. Можно швырнуть ее в сетку на окне, и сетка лопнет.

ХАРДИНГ. Что-то не припомню, чтобы психи могли двигать горы.

МАКМЭРФИ. Ты что, хочешь сказать, что мне не поднять этой ерундовины?

ХАРДИНГ. Эта ерундовина весит полтонны. И к тому же содержит все электрическое оборудование, питающее дежурку.

СКЭНЛОН. Так оно и есть, черт побери. Попробуй, тронь ее, Мак. Устроишь такое короткое замыкание, что вся эта чертова больница вылетит на орбиту.

Переглядывается с Хардингом и поднимает большой палец вверх.

МАКМЭРФИ. Кто поставит пять монет?

ХАРДИНГ. Это еще безрассуднее, чем ваше пари насчет главной сестры.

МАКМЭРФИ. Гоните пять монет! Потому как никто не докажет мне, что я не могу чего-то сделать, пока я не попробовал. Вот они - ваши бумажки, когда мы играли в двадцать одно! *Хлопает ладонью по столу, накрывая бумажки.*/ На всю эту кучу -- вдвойне или ни черта!

ХАРДИНГ. Принимаю!

ОСТАЛЬНЫЕ. Ставлю! Идет! Держу пари! /*и т. д...*/

МАКМЭРФИ. А ну, мальчики, отойдите подальше. Скэнлон, уведи женщин и детишек в безопасное место! *Берется за ящик - никакого эффекта.*/

СКЭНЛОН. Ну как, Мак, сдаешься?..

МАКМЭРФИ. Э нет, черт подери. Я еще только разогреваюсь. А вот сейчас возьмемся по-настоящему!

На этот раз он вкладывает в рывок всю свою силу. Закрывает глаза, губы его растягиваются, обнажая стиснутые зубы. Голова откинута назад. Все тело дрожит от напряжения.

ВОЖДЬ неожиданно для себя делает шаг к Макмэрфи, как бы желая ему помочь, Из легких Макмэрфи с шумом вырывается воздух, он падает на металлическую панель и соскальзывает с нее на пол. Несколько секунд слышно лишь его хриплое дыхание, Затем он с трудом поднимается, подходит к столу и трясущимися скрюченными руками сгребает бумажки с долговыми обязательствами. Протягивает их больным, но никто даже и не пытается их взять, тогда он разбрасывает их по полу. Затем поворачивается и нетвердыми шагами направляется к палатам.

ХАРДИНГ. Мак!

/МАКМЭРФИ останавливается./ Никто не мог бы поднять эту штуку.

МАКМЭРФИ /поворачивается, в глазах его слезы ярости и обиды/. Но я же старался, Я, черт подери, старался. /Выходит в палаты./

Вождь БРОМДЕН делает следом за ним два-три шага, протягивая к нему руки. Свет быстро гаснет, лишь луч прожектора освещает Вождя; остальные выходят.

ВОЖДЬ БРОМДЕН /голос на магнитофонной ленте/. Я хочу погладить его. Хочу его погладить, чтоб помочь.

Полный свет. Санитар УИЛЬЯМС со щеткой в руке пересекает сцену, направляясь к Вождю.

УИЛЬЯМС. А ну, за работу, шевелитесь, ребята, пошевеливайтесь!

Больные занимаются кто натиркой пола, кто тряпкой смахивает пыль и тому подобное. УИЛЬЯМС вкладывает Вождю в руки щетку, подталкивает его в спину, и он, как автомат, начинает мести. Сестра РЭТЧЕД появляется в дежурке, Из туалета доносится пение и голос Макмэрфи, УИЛЬЯМС подходит к маленькому окну туалета и, чуя подвох, заглядывает туда. Подозрения его оправдываются. Он подходит к дежурке и стучит по стеклу. СЕСТРА РЭТЧЕД отодвигает стеклянную панель и, нахмурилась, выслушивает то, что шепчет ей на ухо УИЛЬЯМС. СЕСТРА РЭТЧЕД выходит из дежурки, пересекает сцену и подходит к двери в туалеты.

РЭТЧЕД /стуча в дверь/. Мистер Макмэрфи, мистер Макмэрфи!..

МАКМЭРФИ /высовывая голову из двери/. Мэм?

РЭТЧЕД. Выйдите, пожалуйста!

МАКМЭРФИ появляется с мокрой тряпкой в руке.

СЕСТРА РЭТЧЕД стремительно проходит мимо него в туалет.

МАКМЭРФИ. Батюшки, как ей, видно, не терпится!

РЭТЧЕД /появляется в великом гневе/. Мистер Макмэрфи, это возмутительно.

МАКМЭРФИ /решительно/. Ничего возмутительного там нет, мэм, это же туалет.

РЭТЧЕД. Все раковины должны быть чистые.

МАКМЭРФИ. Ну, видите ли, мэм, может, для кого они и нечистые, а я так считаю, что люди там мочатся, а не едят.

РЭТЧЕД. Видимо, придется дать вам другую работу. */Выходит./*

МАКМЭРФИ /тычет мокрой щеткой и тряпкой Уильямсу в грудь/. Принимай дела, приятель!

УИЛЬЯМС в бешенстве уносит щетку с тряпкой в чулан, затем уходит.

/К больным./ Ну как, ребята, готовы платить мне долги?
ХАРДИНГ. Вы еще не выиграли, друг мой!

МАКМЭРФИ направляется к Вождю, по дороге вытаскивая из кармана пачку жвачки.

МАКМЭРФИ /распевая/.

Ах, зачем мятной полоске под кроватью ночевать?

Потеряет ведь всю сладость, и зубов не отодрать... Так? */Весело хохочет и сует жвачку в руки Вождю./*

УОРРЕН */входя/*. К вам посетительница, мистер Макмэрфи.

Входит КЭНДИ СТАРР.

КЭНДИ. Макмэрфи!

МАКМЭРФИ. Кэнди, крошка!

КЭНДИ. Ах ты чертов сын, Макмэрфи. *Кидается ему на шею./*

Они так целуются, что все головы поворачиваются в их сторону.

СЕСТРА РЭТЧЕД включает микрофон.

РЭТЧЕД. Пожалуйста, представьте вашу посетительницу.

МАКМЭРФИ */во всю силу своих легких/*. Это моя мамочка, черт бы ее подрал!
/К больным./ Ребята, это Кэнди Старр,

КЭНДИ */поворачиваясь к каждому по очереди, с улыбкой/*. Привет, мальчики, как делишки? */Скэнлону./* Эй, папаша, а ты за что сюда угодил?

СКЭНЛОН. Изнасилование.

МАКМЭРФИ */хохочет/*. Лапочка, а это Билли Биббит. И представляешь? И представляешь: ни одной девочки еще не пробовал.

КЭНДИ */берет Билли за руку, тотчас преисполняясь сочувствия/*. Ах ты бедненький, тебя сюда за это засадили?

МАКМЭРФИ. Пойдем-ка вон туда, потолкуем.

Садится с ней на диван, а БИЛЛИ как зачарованный следует за ними, подходит совсем близко и останавливается.

Как Сандра?

КЭНДИ. Занята, милый, то есть я хочу сказать - напрочь. Вышла замуж.

МАКМЭРФИ. Куда, куда вышла?

КЭНДИ */хихикая/*. Можешь себе такое представить? Старушка Сэнди - замужем?

МАКМЭРФИ. Ого! Кого же это она подцепила?

КЭНДИ. Помнишь Арти из Бивертонга? Он всегда приходил на вечеринки с какой-нибудь гадостью - то со змеей, то с белой крысой, то еще с какой-нибудь дрянью! Господи, настоящий маньяк! */В ужасе прикрывает рот рукой и округлившими глазами оглядывает больных./*

МАКМЭРФИ. Ничего страшного, лапочка. Они только выглядят сумасшедшими.

КЭНДИ. Ах ты, чертов Макмэрфи... */Обвивает руками его шею. /*

В громкоговорителе раздается хрип.

РЭТЧЕД */через микрофон/*. Мистер Макмэрфи...

МАКМЭРФИ */воздевает к небу руки/*. О'кей, о'кей!

КЭНДИ. Ты в порядке, крошка? Я хочу сказать, они с тобой хорошо общаются?

МАКМЭРФИ. О да. Жратва - потрясающая. А уж кровать какая... Эй, что ж это я тебе палаты-то не показываю?

КЭНДИ */вскакивает на ноги/*. В самом деле, чего это ты?

МАКМЭРФИ берет ее за руку и направляется к палатам. В этот момент снова раздается хрип в громкоговорителе.

РЭТЧЕД. Мистер Макмэрфи...

МАКМЭРФИ */резко меняя курс/*. О'кей, о'кей. */Доходит до середины общей комнаты, делает в воздухе пальцем X, как бы отмечая точку на карте, кричит сестре Рэтчед./* Здесь?... Здесь?... */К Кэнди./* По-моему, она хочет посмотреть, как это бывает. */Хватает Кэнди в объятия и крепко прижимает к себе. Тихо, ей на ухо./* Слушай, ладно. У меня есть одна идея. Ты вот тут вспоминала про наши вечеринки и всякое такое прочее... Держу пари, можно устроить это прямо тут.

Больные постепенно придвигаются поближе.

КЭНДИ. Ты шутишь?

МАКМЭРФИ. И может, тебе удастся привести Сандру.

КЭНДИ. Я же сказала тебе: старушка Сэнди вышла замуж.

МАКМЭРФИ. Ну и что? Она на вечеринки уже не ходит?

КЭНДИ. Конечно, ходит! Да, но... как мы сюда попадем?

МАКМЭРФИ, озирается, делает ей знак придвинуться к нему поближе и что-то быстро шепчет ей на ухо, тогда как больные собираются вокруг них. КЭНДИ взвизгивает от восторга.

Эх, погуляем так, что чертям станет тошно! */Подпрыгивает и повисает у него на шее./*

РЭТЧЕД */через микрофон/*. Мистер Макмэрфи... боюсь, нам придется попросить вашу гостью покинуть нас.

КЭНДИ */протестующе/*. Эй, я ведь только еще пришла!

МАКМЭРФИ */подмигивает ей/*. Еще будет время, крошка. Попрошайся с мальчиками.

КЭНДИ */обняв его/*, Ах ты, чертов Макмэрфи! */К больным./* До скорого, мальчики.

МАКМЭРФИ. Славная девчонка. Из хорошей семьи.

БИЛЛИ */не выдержав/*. Н-неужели в-вы это серьезно - насчет вечеринки?

МАКМЭРФИ. А почему бы и нет?

СКЭНЛОН. Вечеринку - тут?

МАКМЭРФИ. В этом же вся штука.

БИЛЛИ. И К-кэнди будет?

МАКМЭРФИ. Горячая штучка, верно? Хотел бы поиграть с такой?

БИЛЛИ */весь размякнув/*. Ух т-ты!

ХАРДИНГ. Друг мой, за одну только смелость это ваше предложение заслуживает высшей премии - Оскара.

МАКМЭРФИ. Я устрою вам такой шабаш, какого ни в одной психушке ни разу не было.

МАРТИНИ */весело хлопая в ладони/*. Ой, ребята, ну и вечеринку мы устроим!

МАКМЭРФИ */расставляя ловушки/*. Мы? Кто, черт подери, говорил - мы?

ХАРДИНГ. А разве нас не приглашают?

МАКМЭРФИ. Не-а.

БИЛЛИ /крайне расстроенный/. Но поч-чему?

МАКМЭРФИ. Да потому, что осатанели вы мне, психи, вот почему! Испугались бабы! А знаете, что в эту самую минуту происходит? Игры на Кубок, А вы - чудеса в решете - не дали мне посмотреть!

ЧЕЗВИК. Но, Мак, мы же пытались.

МАКМЭРФИ. Ты и Скэнлон - да. А все остальные до того труханули, что даже руку побоялись поднять!

ХАРДИНГ. Мне очень жаль, что так вышло, Мак. Если бы вопрос не был уже решен...

МАКМЭРФИ. А есть такое правило, где сказано, что нельзя еще раз проголосовать?

ХАРДИНГ. Н-нет, что-то не помню.

МАКМЭРФИ. Так в чем же дело?

РЭТЧЕД выходит из дежурки и подходит к собравшимся. По пятам за ней идет УИЛЬЯМС.

РЭТЧЕД. Разве у вас, джентльмены, нет никаких обязанностей?

МАКМЭРФИ /решительно/. Есть, конечно, только у нас сейчас будет чрезвычайное заседание Совета пациентов.

РЭТЧЕД. Кто же его созвал?

МАКМЭРФИ. Мистер Дэйл Хардинг, президент!

ХАРДИНГ /после небольшой паузы, слегка запинаясь под взглядом сестры Рэтчед /. Совершенно верно, мисс Рэтчед.

РЭТЧЕД. А в каких целях?

ХАРДИНГ. Чтобы... чтобы...

МАКМЭРФИ. Переголосовать насчет того, чтоб смотреть телевизор днем!

РЭТЧЕД. Понятно.

МАКМЭРФИ. О'кей, мальчики!..

РЭТЧЕД. Одну минуту! Не кажется ли кому-нибудь, что мистер Макмэрфи навязывает вам свои желания? Я уже подумываю, не лучше ли будет перевести его в другое отделение...

СКЭНЛОН. Не можете же вы отправить его к буйным, только потому что он предложил нам переголосовать!

ЧЕЗВИК /с вызовом/. Конечно, не можете!

РЭТЧЕД /к Макмэрфи/. Вы уверены, что после переголосования не будете больше настаивать на своем?

МАКМЭРФИ. Я просто раз и навсегда хочу понять, у кого из этих птах хватит духу, а у кого - нет.

РЭТЧЕД. Отлично. Все, кто за то, чтобы перенести телевизионное время на более ранний час, поднимите руку.

Руки поползли вверх - рука Билли медленнее, чем у других. Под конец все поднимают руки, кроме Вождя.

МАКМЭРФИ /устремляясь к телевизору/. Пробыли!

РЭТЧЕД. Минуточку, пожалуйста! Согласно нашим правилам, решение должно быть принято единогласно.

МАКМЭРФИ. Единогласно?... /Наконец до него доходит, и он в изумлении указывает на Вождя./ Вы что же, считаете, что и Вождь должен голосовать?

БРОМДЕН со щеткой направляется к чулану; входит в чулан и закрывает за собой дверь.

ХАРДИНГ /кивая с несчастным видом/. Должно быть согласие всех пациентов.

МАКМЭРФИ. Так вот как у вас действует демократия. Большого идиотства...

РЭТЧЕД /спокойно/. Вы, кажется, очень расстроены, мистер Макмэрфи? Надо это записать.

МАКМЭРФИ. Стойте!..

РЭТЧЕД. Заседание закрыто.

МАКМЭРФИ /в исступлении/. Да подождите же вы минуту, черт вас раздери! /Ищет глазами Вождя, быстро идет к чулану, распахивает дверь./ Вождь, вождь... /Вытаскивает Вождя, ухватившись за спину рубашки./ Вождь, да пойдя же ты сюда. Слушай, вождь: сейчас или никогда. Либо мы люди, либо обезьяны, либо сдюжим, либо нас раздавят. Сейчас же поднимай руку.

РЭТЧЕД. Не глупите, бедняга ведь не слышит вас.

МАКМЭРФИ. А ну, вождь, давай поднимай руку, голосуй,

Все окружают Вождя. Проходит минута, и МАКМЭРФИ сдается. С досады он срывает с головы кепи, швыряет его на пол и тяжело опускается в качалку, в то время как остальные возвращаются к своим делам. РЭТЧЕД выходит в дежурку. ВОЖДЬ медленно поднимает руку.

ЧЕЗВИК /замечая это движение/. Мак!..

УИЛЬЯМС /тоже заметив/. Мисс РЭТЧЕД...

МАКМЭРФИ /подпрыгивает от возбуждения, указывая на Вождя/. Единодушно!

Больные мгновенно оживляются - расставляют стулья, передвигают телевизор на колесиках и т.д. СЕСТРА РЭТЧЕД с изумлением смотрит в упор на Вождя.

/Берет Вождя за руку./ Садись же, чучело ты этакое, мы тебе лучшее место припасли!

СКЭНЛОН. О'кей, пусть она лопнет!

СЕСТРА РЭТЧЕД резко поворачивается и выходит.

ГОЛОС КОММЕНТАТОРА /в это время Чезвик настраивает телевизор/. ...И он бьет. Ух ты, до чего неудачный удар... Счет три-два. Ситуация сложная - надо прибавить скорость и бить... Вот уже свалка. Ну и...

В дежурке СЕСТРА РЭТЧЕД открыла дверцу на стене над столиком и перевела рычажок. Свет в телевизоре гаснет. МАКМЭРФИ вскакивает на ноги.

РЭТЧЕД /в микрофон/. Заседание ведь было уже закрыто.

МАКМЭРФИ кидается к ней.

ХАРДИНГ /предупреждающе/. Мак!..

РЭТЧЕД. Прошу больных вернуться к своим обязанностям.

/Никто не двигается с места./ Вы меня слышали?

Больные начинают вставать.

МАКМЭРФИ. Не двигайтесь. Да садись же ты. Билли.

Все снова рассаживаются.

РЭТЧЕД. Вы меня слышали?

Больные встанут и разбредаются по своим делам.

МАКМЭРФИ остается сидеть.

МАКМЭРФИ /через некоторое время, повернувшись к телевизору/. Ух ты, да вы только посмотрите, что делается! Забили. В самую середку!

ХАРДИНГ /поняв игру, бросает взгляд на Сестру Рэтчед, колеблется. Наконец возвращается и садится на свое место/. Да беги же ты, индюк вонючий, беги!

МАРТИНИ /возвращаясь на свое место/. Снова удар, повторный удар! Берегись, сейчас забьет!

СКЭНЛОН. Прозевал! Переиграл его защитник.

МАКМЭРФИ. Держитесь, ради всего святого, держитесь!

РЭТЧЕД /выходя из дежурки/. Прекратите. Прекратите сейчас же.

ЧЕЗВИК. А ну ударь еще раз, еще!

РЭТЧЕД /вставая между ним и телевизором/. Прекратите, говорю я вам! Вы же должны меня слушаться, Вы находитесь в моем ведении и под моим наблюдением - я должна контролировать вас

ХАРДИНГ, Выронил мяч!

БИЛЛИ. В-вот сейчас врежет!..

ХАРДИНГ, Аут!

МАКМЭРФИ, Бей в ворота, ты, псих! Да беги же, беги, беги!

РЭТЧЕД. Послушайте, прекратите. Мистер Хардинг! Мистер Чезвик! /Голос ее заглушают крики./

МАКМЭРФИ /перекрывая шум/. Ох, сестричка... Не принесли бы вы мне сосиску и баночку пивка?

ЧЕЗВИК. ГО-ОЛ!!!

Больные раздражаются победными криками, звучат возгласы "ура". СЕСТРА РЭТЧЕД кричит на них, но никто ее не слушает. Все вышли из повиновения.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В общей комнате пусто, если не считать Ракли, который " стоит на металлическом ящике, держа перед, собой сцепленные руки, наподобие колеса. Слышен пронзительный свисток судьи, и в комнату влетает МАКМЭРФИ, а за ним ХАРДИНГ, ЧЕЗВИК, СКЗНЛОН и МАРТИНИ. Они в нижнем белье вместо тренировочных костюмов; гонятся друг за другом, перебрасывая, как в баскетболе, мяч. Появляется ВОЖДЬ БРОМДЕН, он держится немного в стороне, внимательно глядя на них и подпрыгивая, словно хотел бы тоже принять участие в игре. Раза два или три под аккомпанемент веселых криков мяч влетает в "корзину", которую изображают руки Ракли.

МАКМЭРФИ. Отбери мяч! Да действуйте же локтями, локтями! Пошевеливайтесь, чертовы дети, пошевеливайтесь!

/Свистит, останавливая игру./ Ракли, сколько раз тебе говорить: стой смирно. Ведь не корзина же ловит мяч. */Снова свистит в свисток, и игра возобновляется./* МАРТИНИ /кидает мяч воображаемому игроку/. Эй, Джордж!

МАКМЭРФИ *(свистит, поднимает мяч с пола)*. Мартини, в каждой команде только пять игроков, раз... два... три... четыре... пять. Так что не надо нам привидений

Внезапно свет гаснет, лишь луч прожектора освещает Вождя.

Все остальные застывают. Свет струится, слышен грохот падающей воды.

ВОЖДЬ БРОМДЕН */голос на магнитофонной ленте/*. Вот! Вот он, водопад! Почему же я его слышу, папа: ведь он за много миль отсюда и за много лет?! А я его слышу, и он шумит как весной. И я вижу, как прыгает лосось! А в воздухе чую снег - значит, ветер дует с гор! А там, за водопадом, - наше племя!

Слышишь, как они кричат, когда подцепят острой рыбу! Откуда все это взялось вдруг, папа? Ведь все это мы потеряли, когда я еще мальчишкой был... Почему же сейчас все вернулось?

Вспыхивает свет. Действие - то же. Пасовки мячом под вскрики и восклицания, словно и не было перерыва. Входит УИЛЬЯМС и в растерянности замирает.

УИЛЬЯМС. Эй, вы! Тут нельзя играть в баскетбол!

МАКМЭРФИ. А почему? Ага, можешь мне не говорить почему... Запрещено правилами?

УИЛЬЯМС */перехватывая мяч/*. Угадал, приятель.

МАКМЭРФИ. Тьфу, черт. Надо же было тебе явиться, когда у нас тут самая игра началась.

Входит СЕСТРА ФЛИНН и в ужасе смотрит на них. МАКМЭРФИ направляется к ней.

Привет, лапочка! */Протягивает руку к кресту, который висит у нее на шее./* Можно посмотреть эту штучку поближе?

ФЛИНН */отшатываясь/*, Не смейте ко мне подходить!

МАКМЭРФИ. Лапочка, я же только посмотрю.

ФЛИНН */умоляюще/*. Прошу вас...

МАКМЭРФИ. Ей-же-ей, никакого вреда я тебе на сделаю, я же только хочу...

РАКЛИ. К ч-черту в-всех!

ФЛИНН */взвизгивает/*. Не смейте меня трогать, я католичка!

Дверь в отделение открывается. Входит УОРРЕН. Вслед за ним - СЕСТРА РЭТЧЕД. При одном ее появлении все застывают. Она молча оглядывает сцену. УИЛЬЯМС с дурацким видом переводит взгляд с нее на мяч у него в руках.

РЭТЧЕД /Уильямсу/. Хорошо поиграли? /Уоррену./ Спустите, пожалуйста, мистера Ракли на пол.

УОРРЕН приподнимает РАКЛИ и опускает его на привычное место у стены. СЕСТРА РЭТЧЕД берет у Уильямса мяч. Подходит к Макмэрфи - с самым добродушным видом.

У нас возникли маленькие затруднения? Ну ничего, мы их устраним. В конце концов впереди у нас не одна неделя. И не один месяц. А если понадобится, то и не один год. /Выходит в сопровождении Уоррена и Уильямса./

СЕСТРА ФЛИНН поспешно скрывается в дежурке. Больные собираются вокруг Макмэрфи. Всеобщий шум.

ЧЕЗВИК. Ну, ты ее загнал в угол!

СКЭНЛОН. Она прямо как трахнутая, Мак.

МАКМЭРФИ. Да уж...

ХАРДИНГ. Теперь последний удар и - нокаут!

БИЛЛИ. В ж-жизки б не поверил!

МАКМЭРФИ. Помолчи-ка, ладно? А что она все-таки имела в виду?

ЧЕЗВИК. Когда, Мак?

МАКМЭРФИ. Да вот, когда сказала: "годы". /Молчание./ Послушайте, почему она все-таки ведет себя так, точно у нее по-прежнему все козыри на руках?

ХАРДИНГ. Ну... я думаю, наверно, потому, что вы здесь под наблюдением.

МАКМЭРФИ. Конечно, под наблюдением. Но меня же засадили сюда всего на пять месяцев, так что... /Оглядывается присутствующих. Лица у них смущенные, а у некоторых - виноватые./ Да выкладывайте же, ну!

ХАРДИНГ. Мак, здесь ведь не тюрьма. В тюрьме у вас есть срок, и вы знаете, что по истечении его вас выпустят. А здесь... вы находитесь под наблюдением...

МАКМЭРФИ. То есть ты хочешь сказать, что я буду торчать здесь, пока она не надумает меня отпустить?

ХАРДИНГ молчит. МАКМЭРФИ изрядно потрясен.

Ха-ха... Значит, когда я извожу эту стервятницу, мне есть что терять - и не меньше, чем вам.

ХАРДИНГ. Гораздо больше. Я-то ведь здесь по собственному волеизъявлению.

МАКМЭРФИ. Ты что?

ХАРДИНГ. Я. здесь не под наблюдением. Собственно говоря, таких, как вы, у нас в отделении раз-два и обчелся.

МАКМЭРФИ. Ты что, вздумал меня страшать?

ХАРДИНГ отрицательно качает головой.

Вы, ребята, вздумали страшать, меня?

Молчание; больные смущенно переступают с ноги на ногу.

Билли, ну, а ты-то ведь тоже под наблюдением?

БИЛЛИ отрицательно качает головой.

Так что же ты тут делаешь? Что? Ты же совсем, мальчишка. Чего ты торчишь тут, вместо того чтоб раскатывать в открытой машине и гоняться за девчонками?

БИЛЛИ смотрит в пол.

Да и все вы, ребята, какого черта вы здесь ошиваетесь? Канючите, ноете, как все вам здесь осатанело, как вам осатанела главная, и - здравствуйте, пожалуйста: вы, оказывается, даже и не под наблюдением! Да что с вами, братцы?! Неужто у вас никакого духу нет?

БИЛЛИ. П-правильно! П-правильно, в-все так и есть: никакого у нас нет духу! Да я х-хоть с-сегодня м-мог бы выйти отсюда, если бы... /Пылко./ Думаете, м-мне х-хочется здесь торчать? Конечно, я бы предпочел раск-катывать в открытой машине с какой-

нибудь девчонкой. Но над в-вами когда-нибудь смеялись люди? Нет, потому что вы большой и с-сильный, А я не большой и не с-сильный. В-вот и Х-хардинг тоже. И Ч-чезвик. В-вы... вы с-сейчас так с-сказали, точно мы здесь торчим, потому что... а-а...да что там говорить...

МАКМЭРФИ */резко/*. О'кей, но почему же вы мне-то ничего не сказали?

ХАРДИНГ. О чем?

МАКМЭРФИ. Да что она может держать меня здесь до самой смерти.

ХАРДИНГ. Ну, наверное... нам это просто в голову не пришло.

МАКМЭРФИ. Да, попал же я, в переплет! Теперь мне все ясно. Теперь я понимаю, почему вы, ребята, смотрите на меня, точно на Иисуса Христа. Да потому что я все теряю, а вы... Ух ты, ну и штука! Да вы же, сволочи, подставляете меня. Подставляете, черти вы безмозглые!

ХАРДИНГ. Мак, поверьте...

МАКМЭРФИ. К черту. Пошли вы все к черту. У меня и без вас забот хватает, так что перестаньте ко мне приставать. */Кричит./* Все, все перестаньте! Перестаньте ко мне приставать!

Ошарашенное молчание. МАКМЭРФИ что-то обдумывает, принимает решение и направляется к чулану; открывает его и выходит оттуда со щеткой для чистки туалетов в руке. Входит СЕСТРА РЭТЧЕД с санитарками и замирает при виде Макмэрфи, только что вышедшего из чулана и направляющегося в туалеты.

РЭТЧЕД. Мистер Макмэрфи!

Он останавливается, и она подходит к нему.

Что это вы задумали?

МАКМЭРФИ. Задумал использовать эти предметы по назначению, мэм. Задумал так отчистить писсуары, что, отправляясь в туалет, нам придется надевать темные очки. */Входит в туалеты./*

РЭТЧЕД */внимательно, в задумчивости глядя на больных/*. Мистер Хардинг!

ХАРДИНГ */еле слышно/*. Да, мисс Рэтчед?

РЭТЧЕД. Вы что, джентльмены, пытались образумить мистера Макмэрфи?

ХАРДИНГ. Да, мисс Рэтчед.

РЭТЧЕД. И что же вы ему сказали?

ХАРДИНГ. Мы... мы объяснили ему, на каких принципах строится жизнь нашего сообщества.

РЭТЧЕД. Понятно. */С улыбкой./* Вот и отлично, друзья, Просто отлично.

Затемнение.

В пустой общей комнате загорается приглушенный ночной свет. Чуть ярче освещена дежурка. Общая комната освещена синими лампочками да лунным светом, льющимся в окна. Некоторое время сцена пуста. Затем из палат появляется ВОЖДЬ БРОМДЕН. Он озирается с озадаченным, видом, словно услышав чей-то окрик. Лунный свет завораживает его, и он подходит к окнам. Поднимает голову, глядит в небо... и в тишине вдруг раздается пронзительный веселый шум пролетающих мимо диких гусей. ВОЖДЬ широко раскидывает руки, словно, хочет обнять весь мир за окном, потом обхватывает ими себя и стоит так, запрокинув голову, закрыв глаза. Входит МАКМЭРФИ.

МАКМЭРФИ */шепотом/*. Эй, вождь! Ты - что?

/ВОЖДЬ никак не реагирует./

Я видел, как ты поднялся, и решил, что, может, ты вышел отскрести кусочек этой тысячелетней жвачки? */Вытащив пакетик жевательной резинки, извиняющимся тоном./* Я теперь не хожу больше в столовую - запретили, так что это все, что у меня есть.

БРОМДЕН */беря пакетик, говорит хрипло/. Я тебя благодарю.*

МАКМЭРФИ. О'кей, о'кей. */Делает несколько шагов в сторону и, вздрогнув, останавливается./ Эй, ты... /Вернувшись назад./ А ну, повтори еще раз, а то голос у тебя чуток заржавел.*

БРОМДЕН */прочистив горло, произносит уже менее хрипло/. Я тебя благодарю.*

МАКМЭРФИ начинает хохотать, стараясь, однако, сдерживаться, чтобы смех не звучал слишком громко. ВОЖДЬ с оскорбленным видом направляется в палаты.

МАКМЭРФИ */останавливая его/. Извини меня, вождь. Это я над собой хохотал: до меня ведь только сейчас доперло, чем ты занимаешься все эти годы - ждешь случая, чтоб послать их всех к черту!*

БРОМДЕН. Ну, нет... нет, я не посмею.

МАКМЭРФИ. Это почему же?

БРОМДЕН. Я еще не дорос.

МАКМЭРФИ. Да ты, видно, и в самом деле чокнутый. Был я в своей жизни в нескольких резервациях, но такого огромного индея нигде не видал!

БРОМДЕН. Мой папа был больше.

МАКМЭРФИ. Да-а?!

БРОМДЕН. Он был настоящий вождь, и звали его Ти-и А-а Милату-уна. Значит; ДЕРЕВО, КОТОРОЕ ВЫШЕ ВСЕХ НА ГОРЕ. Но только мама у меня была на две головы больше.

МАКМЭРФИ. Ну, видно, мамочка у тебя была - дай бог!

БРОМДЕН. Да нет, она не была большая в таком смысле. И индианкой она тоже не была. Она была городская. И звали ее Бромден, что значит? Ветла.

МАКМЭРФИ. Угу, теперь я, кажись, тебя понял... Значит, когда городская женщина выходит за индейца, все считают, что она выбрала мужа ниже себя, да? И папаше твоему, что же, пришлось взять ее фамилию?

БРОМДЕН. Она сказала, в жизни не выйдет за человека, которого зовут Ти-и А-а Милату-уна. Но не одна она сделала его меньше. Все трудились. Как сейчас они трудятся над тобой.

МАКМЭРФИ. Кто - она?

БРОМДЕН. Да вся ихняя шайка. Они захотели прогнать нас с наших земель. Они захотели отнять у нас водопад. А в городе стали избивать папу в проулках, отрезала ему волосы. О, шайка большая... огромная. Папа долго боролся с ней. Потом мама сделала его таким маленьким, что он уже и бороться не мог. Тогда он подписал бумаги.

МАКМЭРФИ. Какие бумаги, вождь?

БРОМДЕН. Да те, по которым все забрало правительство. Деревню, водопад...

МАКМЭРФИ. Я помню... но я слышал, что племя получило за это кучу денег.

БРОМДЕН. Так и эти парни из правительства тогда говорили - кучу, мол, денег получите. А папа сказал: разве можно деньгами возместить человеку утраченный образ жизни? Разве можно деньгами возместить человеку отказ от права называться индейцем? Но им было этого не понять. Да и племя тоже не понимало. Они все стояли перед нашей дверью, держали в руках чеки и спрашивали - а что теперь с этим делать? А папа ничего не мог им сказать, потому что стал очень маленький... да и очень был пьяный.

МАКМЭРФИ. А что случилось с ним потом?

БРОМДЕН. Пил, потом умер. Его выбрали в проулке, и глаза ему грязью засыпали. */Ожесточенно./* Эта шайка изничтожила его. Она всех забивает насмерть.

МАКМЭРФИ. Постой, обожди минутку...

БРОМДЕН. Да, да, именно так! Сразу они тебя не прихлопнут. Сначала поработают над тобой, подберут ключи, так что сразу и не поймешь, что с тобой происходит. А потом схватят, выпотрошат и свое утро вставят!

МАКМЭРФИ. Да не переживай ты так, приятель.

БРОМДЕН. А станешь противиться - живо под замок посадят. Там уж ты перестанешь брыкаться и...

МАКМЭРФИ */прикрывая Вождю рот рукой/*. Стоп, поостынь чуток.

Обнимает Вождя.

БРОМДЕН */через некоторое время, устыдившись/*. Я наговорил тут всяких глупостей - точно ненормальный,

МАКМЭРФИ. Ну, немного наговорил.

БРОМДЕН. Чепухи, всякой.

МАКМЭРФИ. Я не сказал, что это чепуха.

БРОМДЕН. Ш-ш! */Поднимает голову, прислушивается и подходит к окну/*. Слышишь?

МАКМЭРФИ подходит к окну, прислушивается. С неба снова доносится дикий пронзительный шум.

МАКМЭРФИ. Канадские трубачи полетели на юг. Видно, будет ранняя зима, вождь. Видишь, вон летят. Как раз сейчас луну пересекают.

БРОМДЕН */глядя вверх, говорит тихо, нараспев/*. Раз-два-три-четыре-пять...

МАКМЭРФИ. Чего, чего?

БРОМДЕН. Это детская считалка. Меня еще бабушка учила...

МАКМЭРФИ. О господи, ну, конечно, я ведь тоже ее знаю! Все встают в круг, а один считает и пальцем тычет каждому в грудь. Вставай сюда, Вождь! */Нараспев, тычет в грудь по очереди то себе, то Вождю/*. Раз-два-три-четыре-пять...

БРОМДЕН. Гуси-лебеди летят...

МАКМЭРФИ. Летят туда...

БРОМДЕН. Летят сюда.

МАКМЭРФИ. А этот выпал из гнезда;

БРОМДЕН. Выпал, выпал!..

МАКМЭРФИ. Гусь нырнул вниз с неба и вытащил тебя!

Обнявшись, оба весело хохочут. Затем ВОЖДЬ замолкает.

БРОМДЕН. Макмэрфи?

МАКМЭРФИ. Угу?

ВОЖДЬ БРОМДЕН. Ты теперь отступишься, да? */МАКМЭРФИ не отвечает/*

МАКМЭРФИ */отворачиваясь/*. Н-ну-у... а не все ли равно?

БРОМДЕН. Отступишься или нет?

МАКМЭРФИ */взгляд его загорается, упав на железный ящик у стены дежурки. Оживленно/*. Эй, помнишь, как я пытался поднять эту штуковину? Вот у тебя, держу пари, получилось бы.

БРОМДЕН */отступая/*. Я еще не дорос, я маленький.

МАКМЭРФИ. А почему бы тебе не попробовать?

БРОМДЕН. Да я же еще не вырос!

МАКМЭРФИ. Откуда ты знаешь? Вот тут-то ты бы и проверил. */Отступаясь, с веселым видом/*. Ну, когда надумаешь, дай мне знать - я на тебя поставлю. Ух ты, такой банк сорву!

БРОМДЕН. Макмэрфи!

/МАКМЭРФИ приостанавливается/. Помоги мне снова стать большим.

МАКМЭРФИ. Черт возьми, Вождь... Да, по-моему, ты уже на полфута вырос!

БРОМДЕН */качая головой/*. Какой же я большой, когда даже ты стал маленький? Разве может человек стать снова большим?

Выходит в палаты. МАКМЭРФИ с минуту стоит неподвижно, затем выходит следом за ним. Свет тускнеет. Когда свет снова загорается, уже день. СЕСТРА ФЛИНН сидит в дежурке.

ФЛИНН */беря микрофон/*. Совет пациентов. Заседание Совета пациентов.

Из палат вылетает МАРТИНИ во власти буйной галлюцинации.

МАРТИНИ. Воздух - земле!.. Воздух - земле!.. В три часа замечен противник! В три часа замечены самолеты противника. */Палит из воображаемого пулемета по самолетам.*

ЧЕЗВИК */выходя из туалета/*. Прекрати, Мартини. Никаких самолетов там нет.

МАРТИНИ */возбужденно/*. Неужели ты их не видишь?

ЧЕЗВИК. Говорю тебе, никого тут нет. Так что прекрати. Никого нет... */Обнимает Мартини и, прижав к себе, заставляет успокоиться./*

МАРТИНИ */с грустью/*. А мне казалось, я их видел.

Входят остальные. Покорные, тихие. Входит МАКМЭРФИ, опустив голову, и садится – по примеру остальных. Входят, чуть ли не военным шагом, УОРРЕН и УИЛЬЯМС, за ними – СЕСТРА РЭТЧЕД.

РЭТЧЕД. Друзья, я много думала над тем, что я вам сейчас скажу. Я обсудила это с персоналом, и мы все пришли к единому мнению, что ваше вчерашнее неслыханное поведение должно быть наказано.

/Пауза. Все молчат./ Многие из вас находятся здесь потому, что не сумели приспособиться к жизни в широком мире. Вы то и дело нарушали правила общежития, и в определенное время - в детстве - вам это сходило с рук. Но когда вы нарушали какое-то правило, вы это понимали. Вы ждали наказания - оно было вам необходимо, но никто вас не наказывал. Эта неумная снисходительность со стороны ваших родителей, возможно, и повлекла за собой заболевание, от которого вы страдаете сейчас. Я говорю вам об этом в надежде, что вы поймете: мы придерживаемся здесь твердой дисциплины исключительно для вашего же блага. */Глядя в упор на Макмэрфи./* Кто-нибудь хочет что-то сказать?

Молчание, МАКМЭРФИ характерным жестом картежника быстро проводит пальцем по колоде, которую держит в руке.

В таком случае будем считать, что вы меня поняли и согласны со мной. Вы понимаете также, что в здешних условиях крайне трудно поддерживать дисциплину. В конце концов - ну что мы можем с вами сделать? Мы же не можем вас арестовать. Не можем посадить на хлеб и на воду. Не можем отправить в психиатрическую больницу, потому что вы уже в ней. Значит, все, что мы можем сделать, - это отобрать у вас привилегии. И вот, учитывая создавшиеся обстоятельства, мы решили отобрать у вас некоторые привилегии, что и привело... вернее, подстегнуло вас к бунту. */Заглядывая в свои записи./* Во-первых, тридцать дней - никакого телевизора.

Тяжкий вздох со стороны Скэнлона.

Во-вторых, игра в карты в часы, отведенные для отдыха, отныне запрещена.

МАКМЭРФИ проводит пальцем по колоде карт и делает "шлеп". Взгляды всех больных с надеждой обращаются к нему.

МАКМЭРФИ */откладывая карты в сторону/*. Извините.

ХАРДИНГ */слабым голосом/*. Это - все?

РЭТЧЕД. Не совсем. Есть еще один вопрос, который мы должны рассмотреть. Речь идет о поведении пациента, который находится здесь почти столько же, сколько и я. Во всяком случае, дольше, по-моему, чем любой из вас. */С улыбкой./* Вы, конечно, понимаете о ком я говорю?

Больные сначала озадаченно переглядываются, потом все взоры обращаются к Вождю, который до сих пор только присутствовал на этих собраниях и никогда не был предметом обсуждения.

Мистер БРОМДЕН уже давно диагностирован как кататоник. Это значит... Вы могли бы сказать, что это значит, Дэйл?

ХАРДИНГ */автоматически/*. Развитая форма шизофрении, проявляющаяся в ступоре, негативизме, замкнутости, молчаливости.

РЭТЧЕД. Совершенно верно. У мистера Бромдена это еще сопровождается потерей речи и слуха. И по этой причине - поскольку мы считали, что не можем общаться с ним, - мы перестали им заниматься. Мы забыли о бедном мистере Бромдене. */С сияющей улыбкой поворачивается к Вождю, в глазах которого появляется растущая настороженность, а руки крепко стискивают подлокотники кресла./* Мы были неправы, но и мистер Бромден тут виноват. Только, пожалуйста, не поймите меня неверно. Мы рады узнать, что можем добраться до сознания мистера Бромдена, но искренне огорчены тем, что он скрывает это от нас и, следовательно, отказывается способствовать своему выздоровлению.

А уж, коль скоро мистер Бромден способен нас слышать, то не логично ли предположить, что он может и говорить? И почему бы в таком случае мистеру Бромдену не поговорить с нами, верно?

Пусть это будет его первым вкладом в групповую терапию. И как было бы хорошо, если бы для начала он перед нами извинился.

БРОМДЕН */шепотом, с мольбой/*. Мак...

РЭТЧЕД. Извинился за свое поведение, которое привело к вчерашнему бунту

БРОМДЕН */в ужасе/*. Макмэрфи!..

СЕСТРА РЭТЧЕД щелкает пальцами, и УОРРЕН направляется к дрожащему, отступающему Вождю. МАКМЭРФИ безотчетно выбрасывает вперед ногу, и УОРРЕН, споткнувшись, с грохотом падает на пол.

РЭТЧЕД */предупреждающе/*. Мистер Макмэрфи!..

УОРРЕН */ловко, точно кошка, вскакивая на ноги/*. Ну, маленький, ты сам напрашиваешься!

МАКМЭРФИ */поднимаясь и загораживая путь Уоррену/*. Оставь его в покое.

РЭТЧЕД. Мистер Макмэрфи, я вас предупреждаю.

УОРРЕН снова направляется к Вождю, тогда МАКМЭРФИ разворачивается и неуклюже, но сильно бьет его правой, СЕСТРА РЭТЧЕД, ни на минуту не теряя хладнокровия, подает знак, и СЕСТРА ФЛИНН в дежурке нажимает кнопку, включая сигнал тревоги.

УОРРЕН */быстро пригибается и бьет кулаком в живот Макмэрфи, так что тот сгибается пополам. Весело, пританцовывая/*. Вот тебе, мерзавец, давно я этого ждал. Ну, давай, давай, разгибайся, вот я сейчас... Эй!..

/ВОЖДЬ хватая его сзади и поднимает в воздух. УОРРЕН в ужасе кричит не своим голосом.

Затемнение

Сигнал тревоги продолжает звучать, постепенно затихая, по мере того как перед глазами зрителей в кругу света возникает стол для лечения электрошоком, который ТЕХНИК, напевая, подготавливает для процедуры. Санитары грубо вталкивают в комнату Макмэрфи, затем БРОМДЕНА. Оба - в смиренных рубашках. МАКМЭРФИ начинает хохотать, ВОЖДЬ непонимающе смотрит на него.

МАКМЭРФИ */захлебываясь смехом/*. Батенька, какая у Уоррена была морда. Надо было видеть его, когда ты, точно медведь, его сгреб. Да ну, Вождь, ты-то чего не смеешься? Надо смеяться, особенно когда тебе совсем не смешно. */Снова хохочет, плечом подталкивает Вождя и: отступает в расчете, что тот ответит ему тем же./* В

самое яблочко попал. Только так можно держаться. Эй, знаешь, что я тебе скажу? Ты у нас на глазах растешь. Посмотри на свою ногу, что твоя платформа на колесах? Вот будешь так расти, скоро потолок башкой пробьешь, и придется им тебя выпустить. А когда Большой Вождь Бромден зашагает по бульварам, и мужчины, женщины и дети, закинув голову, будут смотреть на него! "Ну и ну, что это за гигант такой вырос: одним шагом десять футов отмахивает, под телефонными проводами голову нагибает! Идет себе по городу и смотрит только на девчушек, а остальные - хоть цепочкой встаньте, все равно не остановите!"

Заливается звонким смехом, и ВОЖДЬ вторит ему - на сей раз уже без страха. Входит СЕСТРА РЭТЧЕД в сопровождении санитаров.

РЭТЧЕД /дружелюбно/. Что вы тут увидели такого забавного?

МАКМЭРФИ. Не уверен я, что вы поймете.

РЭТЧЕД, Неужели вы, друзья, не жалеете о том, что натворили?

МАКМЭРФИ. Боюсь, что нет, мэ. Так что если вы для нас что придумали, валийте, - мы готовы,

РЭТЧЕД. У нас было совещание. Рэндл. И персонал решил, что было бы полезно полечить вас электрошоком. Но мы не станем вас этому подвергать, если вы согласны признать свои ошибки.

МАКМЭРФИ. Вы уже приготовили бумагу, которую я мог бы подписать?

РЭТЧЕД. Бумагу?

МАКМЭРФИ. Ну да, тогда вы могли бы еще кое-что туда добавить: как я покушался на жизнь президента, и как я считаю свою житуху здесь слаще, чем на Гавайях. И...

РЭТЧЕД. Не думаю, чтобы это...

МАКМЭРФИ. А когда я эту бумагу подпишу, вы принесете мне одеяло и пачку сигарет из посылок Красного Креста. Да-а, врагам нашим не мешало бы поучиться у вас, леди!

РЭТЧЕД. Рэндл, мы же пытаемся помочь вам.

МАКМЭРФИ. Брюки будем вспарывать? И голову тоже будем брить?

СЕСТРА РЭТЧЕД поворачивается к нему спиной, кивает Технику и выходит. Санитары хватают Макмэрфи и привязывают его к столу. ВОЖДЬ начинает всхлипывать.

Не бойся, Вождь. Я иду первым, Если со мной ничего не будет, значит, и с тобой тоже.

ТЕХНИК смазывает Макмэрфи висок и прикрепляет присоску.

Это еще что за штука?

ТЕХНИК. Датчик.

МАКМЭРФИ. И украсим тебе голову венцом из датчиков. Вы что же это, решили соорудить мне терновый венец?

БРОМДЕН /всхлипывая/. Папа! Папа!

МАКМЭРФИ. Да не причитай ты, Вождь, а если уж неможешь, лучше кричи: "Держись, касатик!"

БРОМДЕН /дрожа/. Держись, касатик!

МАКМЭРФИ. Молодец, индей.

ТЕХНИК кладет металлическую полосу ему на лоб.

Ух ты, а у меня и в самом деле будет корона!

БРОМДЕН /дрожа/. Держись, касатик!

МАКМЭРШ /распевает/. Масло с орехом, Чолли,

Держит в прическе волну...

ТЕХНИК сует ему в рот каучуковый кляп.

БРОМДЕН. Держись, касатик? Держись!

МАКМЭРФИ */невнятно - из-за пластины/*. В нем капли нет спирта... Чолли, Лишь мята да л-л-ланолин...

ТЕХНИК */беря в руки проволочки, ведущие к пульту электрошока/*. Не двигаться!

Санитары наваливаются на Макмэрфи, и прижимают его тело к столу.

БРОМДЕН */увидев, что Техник прилаживает контакты к металлической пластине вокруг головы Макмэрфи/*. Держи-ись, каса-а-тик!

Вспышка ярко-белого света. Тело Макмэрфи выгибается в воздухе. Слышен пронзительный электронный звук и крики: "Воздушная тревога, воздушная тревога!.. Свет гаснет. Звуки замирают, переходя в детские голоса.

ДЕТСКИЕ ГОЛОСА */на магнитофонной ленте, напевают/*.

Раз-два-три-четыре-пять. Гуси-лебеди летят. Летят туда, Летят сюда,
А этот выпал из гнезда!.. */Слышен постепенно замирающий детский смех./*

Вспыхивает свет, освещая общую комнату. Мы видим Хардинга, Мартини, Билли, Чезвика и Скэнлона; в своей обычной позе у стены стоит РАКЛИ. Больные о чем-то шепотом сосредоточенно переговариваются» И тотчас умолкают при появлении сестры РЭТЧЕД и доктора СПИВИ, которые стремительно входят в комнату.

РЭТЧЕД */без всякого вступления/*. Вы разрешите, доктор?

Доктор жестом показывает, что разрешает.

Джентльмены, мы только что были у казначея и получили весьма любопытную справку. Речь идет о пациенте Рэндле Макмэрфи.

СКЭНЛОН */агрессивно/*. Ладно, А сам-то он где? У буйных?

РЭТЧЕД. Нет, мистер Скэнлон, он в реанимации и скоро вернется к вам.

/Молчание; она с улыбкой оглядывает комнату, держа в поднятой руке листок со справкой./ Вот здесь, джентльмены, данные, говорящие о том, сколько заработал мистер Макмэрфи за свое недолгое пребывание в качестве крупье нашего маленького Монте-Карло. Вы сколько проиграли, Билли? А вы, мистер Хардинг? Я думаю, каждый из вас имеет представление о том, сколько проиграли, вы лично, но знаете ли вы, сколько выиграл мистер Макмэрфи? Если сложить те суммы, которые он внес казначею, то он выиграл свыше трехсот долларов.

/БИЛЛИ присвистывает./

Я подумала, что будет лучше, если вы перестанете питать иллюзии по поводу того, что им двигало.

ХАРДИНГ */словно просыпаясь от спячки/*. Мисс Рэтчед... а он никогда и не прикидывался, будто это не так.

ЧЕЗВИК. Правильно!

СКЭНЛОН. Сказал, что хочет нас облапошить, и ей-же-ей, облапошил!

ЧЕЗВИК */которому виден вход в отделение/*. Мак!

Санитары вталкивают в комнату МАКМЭРФИ и ВОЖДЯ. Оба еле стоят на подгибающихся ногах, словно электротерапия лишила их последних сил. Наконец МАКМЭРФИ перестает дурачиться.

МАКМЭРФИ. А ну, мелкота, расступись - не видите, что ли, чемпион пришел! Старина Макмэрфи - психопат, которому давай-подавай десять тысяч ватт. Привет, ребята! Привет, док! */С поклоном./* Приветствую вас, мисс Рэт-чед. */Подталкивает Вождя и заставляет его взобраться на качалку, а сам вспрыгивает на скамью./* Итак, леди и джентльмены, перед вами Макмэрфи - дикий человек, который питается высоким воль-

тажом и каждое утро сжирает по три санитаря на завтрак! */Театрально хохочет./*

ВОЖДЬ слабо вторит ему. Неудовлетворенный этим спектаклем, МАКМЭРФИ испускает еще несколько взрывов хохота, пока ВОЖДЬ не откликается таким же громким хохотом.

РЭТЧЕД. Мистер Макмэрфи, у нас собрание.

МАКМЭРФИ. О, продолжайте, продолжайте! */Весело потирая руки./* Кого мы сегодня вспарываем?

РЭТЧЕД. Поскольку вам, видимо, так понравилось наше лечение, может быть, прописать еще несколько сеансов?..

МАКМЭРФИ. О, прошу вас, мэм, да, да. Вы только посмотрите, какую пользу принесли мне эти несчастные несколько вольт. */Подходит к ней совсем близко и делает вид, будто поворачивает кнопку у нее на груди./* Если вы удвоите дозу, уверен, я мигом найду на этом приборе секс-канал!

РЭТЧЕД. Доктор!

СПИВИ. Да, мисс Рэтчед?

РЭТЧЕД. Я, пожалуй, снимаю свое предложение о повторной шоковой терапии.

МАКМЭРФИ */с укором/*. О-о-о!

РЭТЧЕД. Да... Мне кажется, стоит подумать... о хирургическом вмешательстве.

МАКМЭРФИ. Что-то я не понял вас, мэм.

РЭТЧЕД. Об операции. Право же, это не так трудно понять. Мы уже не раз прибегали к этому методу в случаях агрессивного поведения.

МАКМЭРФИ. Агрессивного? Да что вы, мэм, я ласков, как щенок. Нет никаких оснований делать чик-чик.

РЭТЧЕД */дружелюбно улыбаясь/*. А мы и не собираемся делать чик-чик, Рэнди. Просто...

МАКМЭРФИ. Да и потом это вам все равно не поможет, У меня дома запасной есть. И при нем парочка мячиков величиной с баскетбол.

СПИВИ. Ха-ха-ха!

Все больные тоже раздражаются смехом. Доктор СПИВИ поворачивается, намереваясь уйти.

РЭТЧЕД */с застывшей, улыбкой/*. Минуту, доктор. Мне хотелось бы вернуться к этому предмету.

СПИВИ. К какому предмету?

РЭТЧЕД. К вопросу о хирургическом вмешательстве в отношении пациента Макмэрфи.

СПИВИ */отрицательно качает головой/*. Не рекомендуется. За исключением случаев спонтанного буйства.

РЭТЧЕД. Но он же неоднократно проявлял буйство.

СПИВИ. А не потому ли, что... скажем, был на это спровоцирован? */С неожиданной твердостью./* Нет, мисс Рэтчед, раз уж вы подняли этот вопрос на общем собрании, а не на собрании персонала, то я вам здесь и отвечу. Я не одобряю хирургического вмешательства при отсутствии неоднократного проявления буйства.

РЭТЧЕД */поджимая губы/*. А если это все-таки повторится...

СПИВИ. Тогда... мы можем пересмотреть наше решение, Макмэрфи, я бы на вашем месте имел это в виду. */Выходит./*

РЭТЧЕД */с сияющей улыбкой/*. Ведите себя хорошо, друзья./Выходит следом за санитарями./

МАКМЭРФИ */кричит ей вслед/*. Вы б передумали насчет лечения, мэм. Мне так нравится ваш электростимулятор! */Выражение его лица тотчас меняется, как только она исчезает из виду. Хардингу./* Что это она молола насчет "хирургического вмеша-

тельства"?

ХАРДИНГ. По-моему, она имела в виду лоботомию.

МАКМЭРФИ. Это еще что за штука?

ХАРДИНГ. Ну, это можно назвать своего рода... кастрацией мозга.

МАКМЭРФИ. О'кей, о'кей. Но как это на тебе сказывается?

ХАРДИНГ */жестом предлагает Макмэрфи следовать за ним, пересекает комнату и останавливается перед Ракли/*. Говорят, он был большой буян, настоящий бандит.

МАКМЭРФИ */разглядывая Ракли - обмякшее тело, пустой взгляд. Тихо/*. Иисусе Христе...

ХАРДИНГ */пылко/*. Мак, мы тут говорили - все больные и я. Мы считаем, что вам надо убираться отсюда.

МАКМЭРФИ */не отрывая взгляда от Ракли/*. Убираться отсюда?

ЧЕЗВИК */взволнованно/*. Точно, и мы придумали, каким образом. Сегодня, как стемнеет, я подожгу свой матрац. Поднимется крик. А когда явятся пожарники, они, конечно, дверь оставят открытой, верно? И в суматохе ты дашь дёру!

МАКМЭРФИ */повернувшись к ним, с улыбкой/*. Вы здорово придумали, ребята, - точно фильм по телевизору; спасибо вам. Но ведь если я удеру, я же пропущу вечеринку.

ЧЕЗВИК. Вечеринку?

МАКМЭРФИ. Вы что, забыли?

СКЭНЛОН. Батюшки-светы!

МАКМЭРФИ. Не хотите же вы, чтоб я пропустил такой случай поприрадовать, когда Билли потеряет свою невинность?

ХАРДИНГ. Но, Мак...

МАКМЭРФИ. Не волнуйтесь, ребята, окошечки у нас сегодня вечером будут открыты. Так что я в окошечко и ускользну потом. Пусть это будет наша прощальная вечеринка, а? */Видит входящего Уоррена./* Эй, тихо!

УОРРЕН. Время ужинать, джентльмены, шевелитесь, пошевеливайтесь. */Подходит к Ракли и делает вид, что выдергивает гвозди из его рук./*

/Больные следом за Уорреном начинают выходить из комнаты./

МАКМЭРФИ */подавая знак Билли/*. Пст-пст...

/БИЛЛИ подходит к нему, и они остаются вдвоем./

/К Билли, доверительно./ Ты принимаешь витамины, Билли? Потому как предупреждаю тебя: эта девчонка Кэнди...

БИЛЛИ. Ой, Мак...

МАКМЭРФИ. Только при мне-то не строй из себя тихоню. Я пять монет ставлю, что ты эту девку до белого каления доведешь!

БИЛЛИ. П-правильно... так и будет... */Ослабься, с довольным видом./* ...я ее... д-до белого каления доведу!

МАКМЭРФИ. Послушай. Есть у тебя деньги?

БИЛЛИ. А сколько надо?

МАКМЭРФИ. Да долларов пятьдесят!

БИЛЛИ. Пятьдесят!.. */Подозрительно./* А зачем?

МАКМЭРФИ. Кэнди собирает на выпивку. Да тут у нас еще есть старина Тэркл, которому надо будет дать, и... Какого черта, что это ты вдруг морщишься?

БИЛЛИ. Да вот м-мисс Р- Рэтчед говорила...

МАКМЭРФИ. Что же она говорила?

БИЛЛИ. Как в-вы умеете всех перехитрить. В-всегда остаетесь в выигрыше.

/Поворачивается спиной к Макмэрфи и выходит./

МАКМЭРФИ. Это я-то в выигрыше?! */Закрывает глаза, все тело его обмякает, руки поднимаются к вискам, где были электроды... Лицо внезапно становится осунувшимся, беззащитным./* В выигрыше! */Выходит, волоча ноги./*

Ночной притушенный свет.

*Санитар ТЭРКЛ входит в пустую комнату из коридора, который ведет на-
ружу. Убедившись, что кроме него никого нет, он закуривает сигарету и глубоко за-
тягивается. Из палаты неслышно появляется ЧЕЗВИК.*

ЧЕЗВИК. Ш-ш-ш-ш!

ТЭРКЛ /вздвогнув от испуга, направляет ручной фонарик на лицо Чезвика/. Гос-
поди, спаси и помилуй, а я-то думал, это змея!

ЧЕЗВИК /возбужденным шепотом/. Она уже туточки?

ТЭРКЛ. Кто - она?

ЧЕЗВИК Цыпочка!

ТЭРКЛ /тупо/. Никаких цыпочек я не знаю.

ЧЕЗВИК /встревожено/. Но Мак сказал, что договорился с тобой.

ТЭРКЛ. Вот уж ни малейшего не имею понятия, о чем ты толкуешь.

ЧЕЗВИК. Подожди меня минутку и никуда не уходи. /Поспешно входит в пала-
ты./

ТЭРКЛ /выдыхает дым/. А я и не собираюсь никуда уходить.

Входит МАКМЭРФИ вместе с ЧЕЗВИКОМ.

МАКМЭРФИ. Тэрки, старина! Это что еще за штуки?

ТЭРКЛ. Никаких штук нет.

МАКМЭРФИ. Так в чем дело?

ТЭРКЛ. Но и денег тоже нет.

МАКМЭРФИ /сует руку в карман и извлекает оттуда пачку банкнот/. Вот. Вы-
прошенные, занятые, украденные.

ТЭРКЛ /беря деньги, понуро/. Знаешь, если об этом пронюхают, лететь мне отсю-
да кубарем.

МАКМЭРФИ. Она спиртного нам принесет, Тэрки.

ТЭРКЛ /оживляясь/. Да-а?

МАКМЭРФИ. Бутылку виски и бутылку водки. Которую тебе?

ТЭРКЛ /раздумчиво/. Да я вроде и то и то люблю.

МАКМЭРФИ. Ну, а что тебе пить-то положено?

ТЭРКЛ /назидательно/. А пить вообще не положено»

МАКМЭРФИ /Чезвику, который стоит у окна/. Чего-нибудь
видно?

ЧЕЗВИК. Ничегошеньки.

МАКМЭРФИ /ударяя себя по лбу/. Ух ты, ну я дурак. Да как же они могут найти
нужное окно в темноте? /Тэрклу./ Включи-ка свет.

ТЭРКЛ. Э-э. Вот это уже опасно. Мисс Рэтчед как увидит, что в отделении свет...

МАКМЭРФИ. Да брось ты, Тэрки, она же дрыхнет.

ТЭРКЛ /ворча, ищет ключ/. Эта старая перечница никогда не дрыхнет.

Вспыхивает свет, и ХАРДИНГ и другие больные высыпают из палат.

МАРТИНИ /врываясь в комнату/. Эй, а где вечеринка?

МАКМЭРФИ /указывая на туалеты/. Вон там.

МАРТИНИ /радостно/. Ух ты! /Мчится в туалет./

МАКМЭРФИ /Тэрклу/. Давай сюда ключ от оконной решетки.

ТЭРКЛ. Мне ведь не разрешено давать эти ключи...

МАКМЭРФИ, Давай сюда.

ТЭРКЛ /бурчит, снимая ключ с кольца/. Чтоб спиртное было первый сорт.

МАКМЭРФИ /кидая ключ Хардингу/. Открой-ка окно.

ХАРДИНГ /выглянув в окно/. Ш-ш-ш... Идет наша красавица!

МАКМЭРФИ. Ну, так впусти же ее! А то наш бычок копытами бьет!

БИЛЛИ /в то время как Хардинг отпирает оконную решетку/. Послушайте, М-
Макмэрфи, п-подождите...

МАКМЭРФИ. Ты мне, Билли, не макмэрфуй, теперь уже поздно отступать.

КЭНДИ, держа в каждой руке по бутылке, с помощью Хардинга и Скэнлона влезает в окно. Она сильно навеселе.

КЭНДИ /кидаясь к Макмэрфи/. Ах ты, чертов Макмэрфи! /Раскрывает объятия, чтобы обхватить его за шею, в это время ТЭРКЛ ловко выхватывает у нее бутылку виски./ Эй, это еще что за шутки?

МАКМЭРФИ. Все в порядке, крошка. /Глядя на полупустую бутылку водки./ А с этой беднягой что произошло?

КЭНДИ /хихикая и похлопывая себя по животу/. Остальное у нас туточки!

МАКМЭРФИ. У нас?

КЭНДИ. О господи, я ведь совсем забыла: Сандра там!

САНДРА /влезает в окно с помощью Хардинга, сильно обнажая при этом ноги/.

Приветик, Мак.

МАКМЭРФИ. Сэнди, крошка! /Целует ее./

САНДРА - крепко сбитая, очень земная бабенка, как и КЭНДИ, сильно навеселе.

А куда ты девала своего муженька?

САНДРА. Это чудище-то?!

ХАРДИНГ тем временем закрывает оконную решетку и кладет ключ в карман.

КЭНДИ /хихикая/. Взяла и бросила его. Верно, молодчина?

САНДРА. Понимаешь, это все равно как напустить червей в кольдкрем или лягушку под рубашку - долго не вытерпишь. Господи, какое он чудище - мурашки по телу!

КЭНДИ /дружески/. Привет, Билли!

БИЛЛИ /застенчиво/. П-привет, К-к-к...

КЭНДИ. Да ладно уж. /Целует его, затем заставляет сесть на стул и усаживается к нему на колени./

САНДРА /неожиданно/. Ой!

МАКМЭРФИ. Ты чего это, крошка?

САНДРА /насуваясь, бросает взгляд на Скэнлона/. Кто-то меня ущипнул сзади.

МАКМЭРФИ. Надо нам все-таки выпить! Чезвик, пойдем поищем чего-нибудь, в чем бы смешать коктейль. /Берет ключи и открывает дежурку./

МАРТИНИ и СКЭНЛОН входят туда следом за ним. САНДРА разгуливает по комнате, оглядывая больных.

САНДРА. Эй, Кэнди-детка, неужто это все с нами не во сне? Неужто мы в сам деле в психушке? /Хардингу./ Скажи мне правду: вы в сам деле все чокнутые?

ХАРДИНГ. Совершенно верно, мадам. Мы психокерамика, разбитые горшки человечества.

ЧЕЗВИК выкатывает стойку с прикрепленной к ней клизмой и длинной резиновой кишкой.

ЧЕЗВИК. Смеситель для коктейлей!

МАКМЭРФИ /в микрофон/. Время приема лекарств! /Выходит из дежурки, нагруженный коробочками и пузырьками с медикаментами./

ХАРДИНГ /читая наклейку на бутылке с малиновой жидкостью/. Лимонная кислота, химически подкрашенная. Шестьдесят процентов инертных компонентов.

МАКМЭРФИ */ведя ногтем по строке/. Двадцать два процента - спирт.
/Выливает содержимое нескольких бутылочек в клизму./*

ХАРДИНГ */читая наклейку на следующей бутылочке/. Десять процентов кодеина.
Осторожно: может вызвать привыкание.*

МАКМЭРФИ */хватая бутылочку/. Ничего нет лучше плохой привычки.*

ХАРДИНГ */беря следующую бутылочку/. Настойка нукс-во-мики.*

МАКМЭРФИ */выливая содержимое в клизму/. Это придаст крепости.*

ЧЕЗВИК */выходя из дежурки/. А вот и сосуды.*

МАКМЭРФИ */с профессиональным умением встряхивает клизму, словно шейкер.
Пробует, громко прищелкивает языком/. Если мы его чуточку сдобрим... /Выливает в
клизму остатки водки и снова встряхивает./*

САНДРА */хихикая/. Ух ты, ну и компания! Неужто это все в самом деле?*

ХАРДИНГ. Нет, мэм, это плод фантазии Франца Кафки в содружестве с Марком Твенном.

МАКМЭРФИ */разливая жидкость по мензуркам/. Бар открыт.*

ХАРДИНГ */пробуя/. И-и-зумительно!*

КЭНДИ */делая глоток/. Совсем как лекарство от кашля.*

САНДРА */поднимаясь на ноги/. Извините, мне надо пи-пи. /Выходит, пошатываясь./*

ХАРДИНГ. А знаете, от этой штуки возникает такое чувство, точно... точно..,

МАКМЭРФИ */осклабься/. Точно зайцев и в природе не было?*

ХАРДИНГ. Дружище, вы продемонстрировали, что и при психическом расстройстве можно быть сильной личностью. Возможно, чем безумнее человек, тем большую он может обрести силу.

СКЭНЛОН. Конечно. К примеру, Гитлер!

Раздается крик, и из палаты выскакивает Сандра, за ней РАКЛИ.

РАКЛИ. К ч-черту в-всех!

САНДРА. А тут у вас, черт побери, опасно!

ЧЕЗВИК */подводя ее к двери в туалет/. Не туда пошли, леди.*

МАРТИНИ в дежурке возится с магнитофоном.

Наконец магнитофон включается - музыка.

КЭНДИ. Пошли, Билли! */Заставляет его подняться со стула, и они танцуют - щека к щеке./*

Больные отступают, освобождая им место, а они, прильнув друг к другу, постепенно замедляют танец и неотрывно глядят друг другу в глаза.

МАКМЭРФИ */позвякивая ключами Тэркла/. А как насчет того, чтоб уединиться в изоляторе?*

ЧЕЗВИК */возбужденно/. Точненько - самое место; там большой ковер.*

ХАРДИНГ, Одну минуту! Неужели мы отправим их туда без должной церемонии? А ну, детки, идите сюда, становитесь передо мной. */Встает на стул./*

БИЛЛИ и КЭНДИ, взявшись за руки, подходят к нему, остальные стоят позади, создавая впечатление свадебной церемонии.

Мак, подведите сюда Ракли! Пусть он будет у нас распятием.

МАКМЭРФИ подводит Ракли и раскидывает ему руки крестом.

Любимые дети наши, мы собрались здесь под благожелательным оком Фрейда, чтобы отметить конец невинности и поднять бокалы за ее исчезновение. Кто будет шафером жениха?

МАКМЭРФИ */становясь рядом с Билли/*. Рэ Пэ Макмэрфи.

ХАРДИНГ. А подружкой невесты?

САНДРА */становясь рядом с Кэнди/*. Я!

ХАРДИНГ. Вот и прекрасно. Согласна ли ты, Кэнди Старр, холить и любить этого человека в течение того краткого времени, которое будет вам отпущено местными правилами и установлениями?

КЭНДИ. Согласна.

ХАРДИНГ. А ты, Билли Биббит, согласен ли ты взять эту женщину и владеть ею, пока не явится дневная смена и нашим похождениям не придет конец?

БИЛЛИ. Да-да, д-да...

МАКМЭРФИ. Он согласен!

ХАРДИНГ. Всемиловейший боже, молим тебя: введи эту пару в твое царствие, осененное твоей общеизвестной благодатью. Когда настанет рассвет, нас, скорее всего, поставят к стенке и расстреляют пулями из милтауна, либриума, торазина! Идите же, дети мои, и наслаждайтесь грехом, пока можете, ибо завтра нас ждут транквилизаторы.

КЭНДИ и БИЛЛИ целуются. Они выходят под пение свадебного марша, проходя под аркой, которую, взявшись за руки, образовали ЧЕЗВИК и СКЭНЛОН.

МАКМЭРФИ */опуская вниз руки Ракли/*. Мистер Ракли, вы отлично справились.

САНДРА опускается на пол и всхлипывает.

Сэнди, крошка?!

САНДРА. Это было так прекрасно, черт побери.

МАКМЭРФИ обнимает ее и прижимает к себе.

ХАРДИНГ */с вздохом/*. Мак, а ведь нам будет очень вас недоставать.

МАКМЭРФИ. Так пошли все вместе!

ХАРДИНГ. О-о, я скоро отсюда выберусь. Но только мне надо это иначе обставить. Надо подписать бумагу. Потом позвонить жене и сказать: "Приезжай за мной в такое-то время". Понимаете?

МАКМЭРФИ. Конечно. Но все же... в чем все-таки дело с вами, ребята?

ХАРДИНГ. Вы хотите знать, что довело нас до жизни такой? О, право, не знаю... всякие теории... Зато я знаю, что доводит людей вроде вас - людей сильных - до бешенства.

МАКМЭРФИ. О'кей... что?

ХАРДИНГ. Люди вроде нас.

МАКМЭРФИ */неуверенно/*. Глупости,

ХАРДИНГ. Да, да, мой друг.

МАКМЭРФИ. Эй, что-то вечеруха у нас получается не та! Да пейте же вы, чертовы психи! Это бар Большого Мака, а уж когда он сам нальет, нет такого человека...

ВОЖДЬ БРОМДЕН, сделав несколько глотков из бутылки, издает дикий крик, так что все в страхе вздрагивают.

Эй, Вождь, это ты рявкнул, что ли?

ВОЖДЬ БРОМДЕН */сам испугавшись/*. Вроде да.

МАКМЭРФИ. Что это тебя вдруг дернуло? Решил объявить войну?

БРОМДЕН. Мое племя никогда ни с кем не воевало.

ТЭРКЛ. Ну и жалкое же, значит, было племя. */Весь съеживается, увидав, что ВОЖДЬ угрожающе шагнул к нему./*

БРОМДЕН. Вот тут-то, видно, и была наша ошибка. Надо было воевать! */Снова издает воинственный клич, радостно прислушиваясь к этому звуку, и, притоптывая,*

подпевая себе, начинает военный танец./

Остальные с восторгом тотчас образуют хоровод, и вереница танцующих, словно змея, с топотом и криками ползет по комнате. Из коридора появляется сестра РЭТЧЕД и, не веря собственным глазам, замирает на пороге. Она стоит так несколько минут, прежде чем кто-либо из присутствующих замечает ее.

МАКМЭРФИ. Привет, крошка! У нас тут хватит места и для вас.

СЕСТРА РЭТЧЕД спасается бегством. ХАРДИНГ тотчас выходит из хоровода.

ХАРДИНГ */кричит/*. Стойте! Тихо! Да замолчите вы все! */С постепенно нарастающим ужасом./* Это... это мне не приснилось? ..

МАКМЭРФИ */с огорченным видом/*. Я ведь предлагал ей остаться.

ХАРДИНГ. О господи, она пошла за подкреплением. */Подбегает к окну./* Мак, вам надо уносить ноги,

МАКМЭРФИ */с веселой удалью подвыпившего человека/*. О'кей. Вот только попрощаюсь с ребятами.

ХАРДИНГ */распахивая решетку на окне/*. Живо!

ТЭРКЛ. Не знаю, как он, а я пошел! */Карабкается на подоконник и прыгает в темноту./*

ХАРДИНГ. Сэнди!

САНДРА. Мак, ты идешь?

МАКМЭРФИ */прощается за руку с больными/*. Таких шикарных дружков в жизни у меня еще не было!

ХАРДИНГ */Сандре, вылезавшей в окно/*. Смотрите, не задерживайтесь здесь!..

МАКМЭРФИ */Вождю /*. С тобой все будет в порядке? Потому как если нет и я об этом услышу, я ворвусь сюда и к черту все разнесу!..

ХАРДИНГ */пересекая комнату и подходя к нему/*. Да пошевеливайтесь же, Мак.

МАКМЭРФИ. О'кей, ладно уж.

В комнату вбегают, застегивая на ходу куртки, УОРРЕН и УИЛЬЯМС. За ними по пятам следует СЕСТРА РЭТЧЕД.

РЭТЧЕД */резким повелительным тоном/*. Всем стоять на местах. Не двигаться. */Включает полный свет. Больные ошарашено моргают./* Уоррен, проверить палаты, *УОРРЕН выбегает.*

Уильямс, привести помещение в порядок. */Прохаживаясь по комнате, говорит своим обычным милым тоном./* Значит, мы устроили вечеринку. И по инициативе мистера Макмэрфи, конечно? */К Макмэрфи./* Интересно... вы на этом тоже нажились?

МАКМЭРФИ */сокрушенно/*. Ох, какая же вы тонкая штучка. Хотите вывести меня из себя, чтобы я взорвался. Ну так можешь накрыться, сестренка, потому как я смываюсь. У-у-хо-жу...

УОРРЕН выталкивает на сцену БИЛЛИ и КЭНДИ. Вид у обоих помятый, одежда в беспорядке, они прикрывают от света глаза. МАКМЭРФИ замирает у окна.

РЭТЧЕД. А эти где были?

УОРРЕН */скалясь/*. В изоляторе.

РЭТЧЕД. Уил... Биббит! Ох, Билли, мне так стыдно за тебя!

БИЛЛИ */подумав/*. А м-мне - нет.

МАКМЭРФИ. Молодец, Билли!..

Остальные раздражаются криками "ура".

РЭТЧЕД. А вы помолчите! Ох, Билли... и с такой женщиной!

БИЛЛИ. С к-какой- с такой?

РЭТЧЕД. Такой низкопробной дешевкой... примитивной... размалеванной..

БИЛЛИ, Неп-правда! Она добрая, ласковая и...

ВСЕ. Молодчина, Билли!

РЭТЧЕД */хватает Кэнди и вытаскивает ее на авансцену/*. Да ты посмотри на нее, КЭНДИ */вырвавшись, кидается к Макмэрфи/*. Мак!..

БИЛЛИ */одновременно с ней/*. Оставьте ее в п-покое!

РЭТЧЕД */меняя тактику/*. Билли, а ты подумал о том, каково будет твоей бедной маме, когда она узнает. Она всегда так гордилась тем, что ты такой благовоспитанный. Ты прекрасно понимаешь, какой это будет для нее удар. Понимаешь ведь, да?

БИЛЛИ. Нет. Нет. Вы н-не должны...

РЭТЧЕД. Не должна ей рассказывать? Как же я могу ей не рассказать?

БИЛЛИ */начиная сдаваться/*. Н-не... н-не гов-ворите ей, м-мисс Рэтчед. Н-не...

РЭТЧЕД. Но, Билли, дорогой мой, я обязана. Я обязана сказать ей, что тебя нашли в изоляторе... с этой проституткой, Что ты с ней...

БИЛЛИ. Нет! Я н-ничего н-не делал. Он-на сама!

РЭТЧЕД. Вот уж никогда не поверю, чтоб она силой тебя заставила.

БИЛЛИ */теряя над собой контроль/*. Не он-на - он-ни. Они смеялись н-надо мной. Обзывали м-меня...

РЭТЧЕД. Кто, Билли?

БИЛЛИ */с рыданием опускается на пол и обхватывает ее колени/*. М-мак... М-Мак-мэрфи.

МАКМЭРФИ */в ужасе/*. Билли...

РЭТЧЕД. Хорошо, Билли, Никто больше не обидит тебя. Пройди сейчас в кабинет доктора Спиви. Подожди его там - тебе нужна его помощь.

БИЛЛИ. М-ми-сс Рэтчед, а не скажете м-маме?

РЭТЧЕД. Все будет в порядке, Билли, все будет в полном порядке,

БИЛЛИ */заметив на себе взгляд Макмэрфи/*. М-макмэрфи!.. */Не договорив, выбегает из отделения. УОРРЕН следует за ним./*

РЭТЧЕД */к Кэнди, повелительно/*. А вы, мисс, если через десять секунд вы не уберетесь отсюда, я посажу вас за решетку, как проститутку, каковой вы и являетесь.

КЭНДИ. Пошли, Мак? */Выскакивает в окно./*

РЭТЧЕД */к Макмэрфи/*. В самом деле, почему бы и вам не уйти? Зачем вам здесь задерживаться - вы ведь уже обобрали этих несчастных больных людей, так что бегите, мистер Макмэрфи, спасайте свою шкуру, пока есть что спасать.

УОРРЕН */за сценой отчаянно кричит/*. Сестра Рэтчед! О, господи, сестра Рэтчед, скорей!..

/СЕСТРА РЭТЧЕД выбегает из комнаты, следом за ней - УИЛЬЯМС./

ХАРДИНГ */после паузы/*. Никто ни в чем не винит вас, Мак.

МАКМЭРФИ оглядывает одного за другим. Все отворачиваются, стараясь не встретиться с ним взглядом. Он медленно опускается на стул в ожидании того, что будет дальше. Входит СЕСТРА РЭТЧЕД, вслед за ней - санитары. Она подходит прямо к Макмэрфи.

РЭТЧЕД. Он перерезал себе горло.

МАКМЭРФИ сидит в той же позе, не поднимая на нее взгляда.

Он подошел к столу доктора, увидел инструменты, взял ланцет и перерезал себе горло. Бедный мальчик убил себя. Сидит сейчас в докторском кресле с перерезанным горлом,

МАКМЭРФИ сидит не шевелясь и молчит.

Надеюсь, вы довольны? Играть человеческими жизнями. Жонглировать ими, точно ты

бог. Вы что, мистер Макмэрфи, - господь бог? Я почему-то этого не думаю.
/Поворачивается к нему спиной и направляется в дежурку./

МАКМЭРФИ с глубоким вздохом медленно поднимается на ноги.

ХАРДИНГ /*поняв его намерение, преграждает ему дорогу*/. Нет, Мак, ведь именно этого она и хочет!

МАКМЭРФИ /*отпихивает в сторону Хардинга*/. Думаешь, я не понимаю?

РЭТЧЕД /*делая знак санитарам, чтобы они не вмешивались, с улыбкой смотрит на приближающегося Макмэрфи*/. Идите сюда, мистер Макмэрфи. Идите...

МАКМЭРФИ хватает ее за ворот халата и разрывает его сверху донизу. Она резко выбрасывает колено, так что МАКМЭРФИ еле успевает уклониться от удара. СЕСТРА РЭТЧЕД вскрикивает, и крик этот замирает, когда МАКМЭРФИ стискивает ей горло. Ее крик подхватывает ВОЖДЬ, который при виде происходящего, завертевшись волчком на месте, отходит к дальнему краю сцены. Свет гаснет, только один луч прожектора выхватывает его из темноты. Слышно шипение, затем урчание машины на фоне электронной музыки.

БРОМДЕН /*голос на магнитофонной ленте*/. Папа, снова они за меня взялись. Вот уже проводами опутали и командовать стали, Иди туда, иди сюда. Сделай то. Сделай это. Двадцать раз бумаги подписывай и не ходи по траве. Куда же мне теперь бежать? И как я отсюда выберусь? Мне ведь и спрятаться-то, папа, негде. Негде мне спрятаться!

Вспыхивает свет. Общая комната. Время - после ужина. ВОЖДЬ БРОМДЕН сидит, скрючившись, уставясь в пустоту. ХАРДИНГ за карточным столом играет в двадцать одно с ЧЕЗВИКОМ, СКЭНЛОНОМ и МАРТИНИ.

ХАРДИНГ /*подражая Макмэрфи*/. Эге-гей, да ходите же вы, сосунки, или в двадцать одно играть разучились? Ну, как ты ходишь, Скэнлон?

СКЭНЛОН. Я не о том думал.

ХАРДИНГ. А ты думай о том.

СКЭНЛОН /*не в силах больше сидеть на месте, вскакивает*/. Бог ты мой, если бы мы только знали. Куда они заткнули его. Что они с ним делают. Черт возьми, ведь почти целая неделя прошла.

ЧЕЗВИК. Эй, знаешь, что сказал мне в столовке тот парень снизу? Он сказал, что Макмэрфи сбил с ног двух санитаров, отобрал у них ключи и удрал.

СКЭНЛОН /*с надеждой*/. Это похоже на Мака.

ХАРДИНГ. А из какого отделения этот твой информатор?

ЧЕЗВИК. Из буйного.

МАРТИНИ. Кто-то мне сказал, что Мака поймали и отослали назад на ферму.

ХАРДИНГ. Кто сказал?

МАРТИНИ /*озираясь вокруг*/. Да кто-то тут!..

ХАРДИНГ /*устало*/. А мне один псих во время трудовой терапии сказал, что Макмэрфи приделал себе крылья, и люди видели, как он взмыл над больницей и долго кружил над ней и поплевывал.

МАРТИНИ /*разинув рот*/. Честно?

ХАРДИНГ в отчаянии воздевает к небу руки. Входит УОРРЕН и почти сразу вслед за ним - СЕСТРА РЭТЧЕД. У сестры РЭТЧЕД забинтовано горло. Она держится агрессивнее, взгляд - настороженный. На пороге появляется УИЛЬЯМС и останавливается с выжидательным видом.

РЭТЧЕД /*хриплым голосом*/. Разве вам всем не пора быть в постели?

ЧЕЗВИК */шагнув к ней/*. Мисс Рэтчед... */СЕСТРА РЭТЧЕД пятится./* ...нам вот хотелось бы знать...

ХАРДИНГ. Что, Макмэрфи вернется к нам? Мне кажется, мы имеем право...

РЭТЧЕД. Я с вами вполне согласна, мистер Хардинг. Вернется. */Холодно и враждебно./* Вы что, не верите мне?

ХАРДИНГ */намеренно обостряя/*. Сударыня, мы считаем, что вы умеете блефовать.

РЭТЧЕД */после паузы, спокойно/*. Даю вам слово, что Макмэрфи вернется. А сейчас не кажется ли вам, что пора все-таки спать? */Решительно смотрит на них, и больные молча начинают расходиться по палатам./*

Остается только не замеченный ею ВОЖДЬ.

/Уоррену./ Везите его.

УОРРЕН и УИЛЬЯМС вкатывают койку на колесиках, • на которой лежит накрытый одеялом МАКМЭРФИ. Он лежит неподвижно, лишь время от времени тело его сотрясает дрожь. Глаза его окружены большими синими кругами, из уголка рта течет слюна. Следуя указаниям сестры РЭТЧЕД, санитары разворачивают койку.

Прекрасно, мальчики.

Санитары молча выходят, неслышно ступая в своих резиновых туфлях. СЕСТРА РЭТЧЕД подходит к Макмэрфи, щупает ему пульс, оправляет одеяло; говорит мягко, глядя на Макмэрфи.

Вот и прекрасно. */Выходит./*

ВОЖДЬ, проводив ее взглядом, медленно подходит к койке и внимательно изучает лежащее на ней тело. Из палаты выходит ЧЕЗВИК, затем СКЭНЛОН и МАРТИНИ. Они останавливаются в некотором отдалении от койки. ЧЕЗВИК снимает со спинки висящую на ней карточку и подходит к слабому свету.

СКЭНЛОН. Что там сказано?

ЧЕЗВИК. Макмэрфи, Рендл-Пэтрик. После операции. Лобная лоботомия.

СКЭНЛОН. Значит, они это все-таки сделали,

БРОМДЕН */Тихо, хрипло/*. Это не Макмэрфи.

СКЭНЛОН */удивленно/*. Нет?

БРОМДЕН. Это чучело.

ЧЕЗВИК */в испуге/*. Ты так считаешь?

БРОМДЕН. Изготовили на своей фабрике.

МАРТИНИ. Эй, а ведь он, по-моему, прав!

СКЭНЛОН. Верно. Они что, думают, можно нас как угодно дурачить?

ЧЕЗВИК */с сомнением/*. Но потрудились они на славу. Видите? И нос вздернутый. И даже баки.

МАРТИНИ. Смотрите, у чучела открыты глаза!

СКЭНЛОН */вглядывается, наклоняясь вместе со всеми/*. Только они совсем мутные.

ЧЕЗВИК. Нет души.

БРОМДЕН. Да разве это глаза! Два сгоревших запала.

СКЭНЛОН. Они, что ж, совсем идиотами нас считают? */ВОЖДЬ вытаскивает подушку из-под головы Макмэрфи./*

МАРТИНИ. Ты что делаешь, Вождь?

ВОЖДЬ БРОМДЕН, А вы считаете, Маку было бы приятно, чтоб это чучело звали его именем и оно сидело тут, как пугало, в общей комнате еще двадцать, а то и тридцать лет?

МАРТИНИ /с грустью отворачиваясь вместе с остальными, чтобы не быть свидетелем того, что будет делать Вождь/. Ох, как бы я хотел, чтоб Макмэрфи вернулся.

ЧЕЗВИК /оживленно/. А помните, как он ущипнул мисс Рэтчед и сказал, что он это так - для хороших отношений?

СКЭНЛОН /со смешком/. А что он писал в книге для пациентов?! "Мадам, вы носите лифчик с чашечками второго или третьего размера, а может, вовсе без чашечек?"

Все смеются. ВОЖДЬ БРОМДЕН кладет подушку на лицо Макмэрфи и изо всех сил давит на нее. Тело Макмэрфи дергается, он мечется, с удивительным упорством сражаясь за жизнь.

ЧЕЗВИК. А помните, как в столовой он кинул кусок масла в стену и заключил с нами пари, что к половине восьмого оно доберется до полу?

МАРТИНИ. И выиграл!

Все еще громче хохочут.

ЧЕЗВИК. А помните, как наша маленькая сестричка...

СКЭНЛОН. Та, которая с крестиком!

ЧЕЗВИК. ...уронила таблетку себе за халат, и Макмэрфи решил помочь ей достать ее. Как она завизжала!

СКЭНЛОН /фальцетом/. "Насилуют! Насилуют! Насилуют!"

Все так и заходятся хохотом. Из палат выходит ХАРДИНГ в пижаме ж халате.

ХАРДИНГ. Что это у вас тут, черт возьми, происходит? Вам, ребята, давно положено... положено... /Замечает, что происходит. В ужасе./ Вождь! /Кидается на Вождя./ Вождь, отпусти!

Больные приближаются к койке.

Вождь... Отпусти. От-пу-сти же. /Изо всех сил пытается оттащить Вождя./

Тот теряет равновесие и, пошатываясь, отходит.

ХАРДИНГ сбрасывает на пол подушку. Прикладывает пальцы к шее Макмэрфи в поисках пульса./ /Тихо, в ужасе./ О, мать божья...

ВОЖДЬ начинает рыдать.

ХАРДИНГ отворачивается от него и кидается к окну.

ЧЕЗВИК /с любопытством/. Что вы делаете?

ХАРДИНГ. У меня остался ключ. /Отпирает оконную решетку и распахивает ее./

Ладно, Вождь, беги. Вождь, ты меня слышишь?

СКЭНЛОН. Почему вы так кричите на него?

ХАРДИНГ. Если он убежит, тогда ничего не докажешь.

МАРТИНИ. Но он же ничего плохого не сделал!

ЧЕЗВИК. Кто угодно может умереть - после операции. Таких случаев - сколько хошь.

СКЭНЛОН, Мы же не скажем.

ХАРДИНГ. Я знаю. А он - скажет.

БРОМДЕН /наконец понимает, чего от него требуют. Дрожсащим голосом/. Что же мне делать?

ХАРДИНГ. Бежать!

БРОМДЕН. Туда - на улицу?

ХАРДИНГ. Голосуй на шоссе. Отправляйся на север, в Канаду.

ЧЕЗВИК. Точно, Вождь: за теми, кто пересекает границу, уже не гонятся.

СКЭНЛОН. А мы скажем, что он был еще жив после того, как ты сбежал.

БРОМДЕН. Боюсь я.

ХАРДИНГ. Вождь...

БРОМДЕН. Не могу я - я еще не дорос, я маленький.

ХАРДИНГ. Больше ты все равно уже не станешь!

БРОМДЕН. Нет, нет, Макмэрфи сказал... Он говорил... */Подходит к ящику у основания дежурки./*

ХАРДИНГ */на крике/*. Вождь, ты что делаешь?!

БРОМДЕН */отталкивая в сторону Хардинга/*. Макмэрфи сказал...

Подходит к ящику, пытается его приподнять. Ничего не выходит. Делает глубокий вдох и снова пытается оторвать ящик от пола. Раздается громкий треск, скрежет, и ящик отделяется от пола. Электрические провода рвутся, бело-синие вспышки и треск короткого замыкания. Ночное освещение и свет в дежурке гаснут. Где-то вдалеке звенит сигнал тревоги.

ХАРДИНГ. О, господи, они сейчас явятся с целой армией! */Толкает Вождя к окну./*

БРОМДЕН. Я это сделал! */Возбужденно./* Сделал, Хардинг. Я теперь снова стал большой!

ХАРДИНГ. О'кей. Вождь. Беги же, беги! */Хватает его за руку./* Все у тебя там будет в порядке.

БРОМДЕН. Да-а-а... */С улыбкой смотрит на широкий мир, раскрывающийся за окном./* Давно я там не был. Давно...

Звучит мелодичная музыка. ВОЖДЬ легко выскользывает за окно и исчезает. ХАРДИНГ запирает оконную решетку и выбрасывает ключ наружу. Больные толпятся у окна, провожая Вождя взглядом; луч прожектора освещает неподвижное тело Макмэрфи, затем - свет постепенно гаснет.

КОНЕЦ